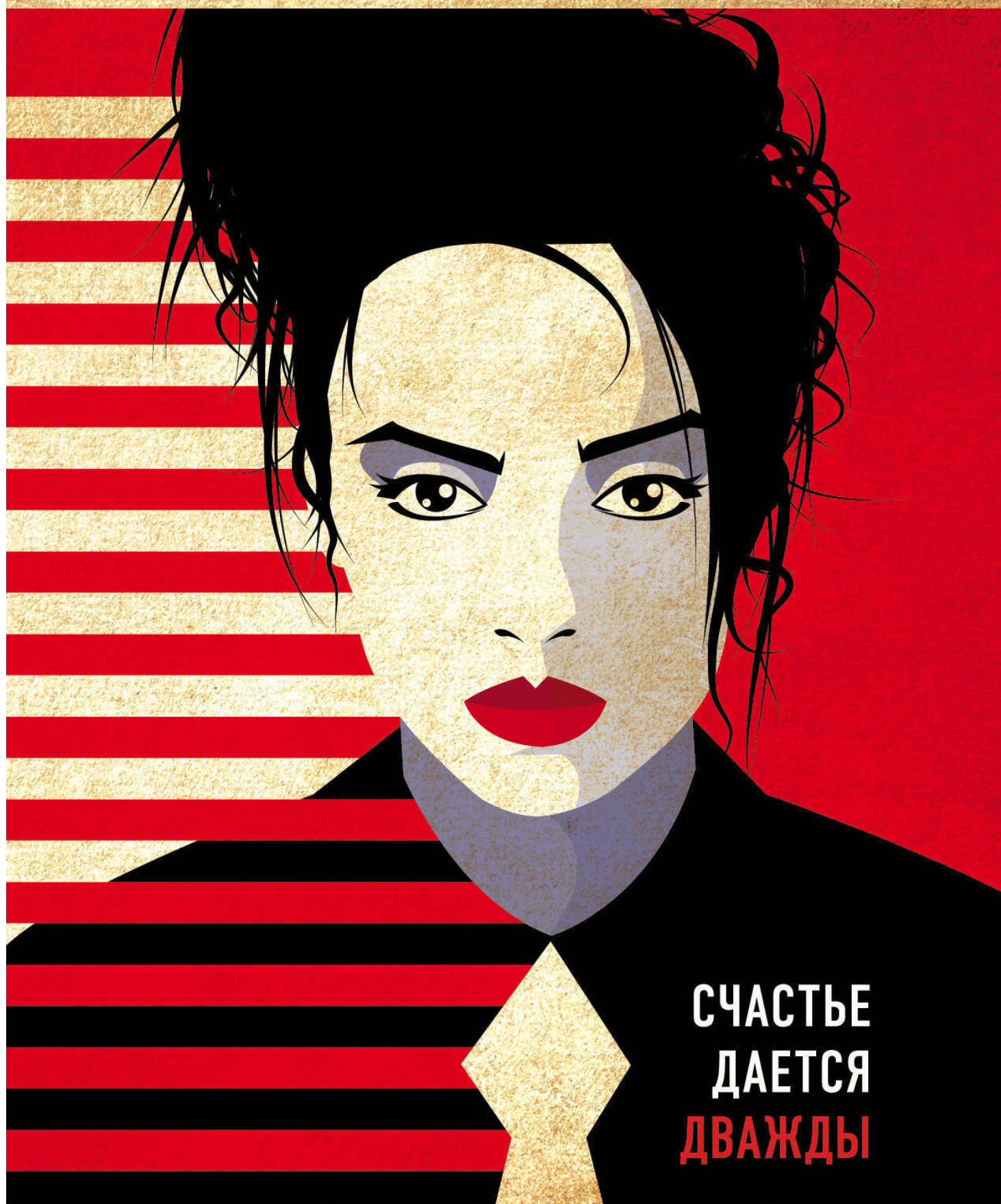

ГАЛИНА РОМАНОВА

СЧАСТЬЕ
ДАЕТСЯ
ДВАЖДЫ

НЕ ДОСТАВАЙСЯ НИКОМУ!

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова

Не доставайся никому!

«ЭКСМО»

2011

Романова Г. В.

Не доставайся никому! / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2011 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-699-51292-8

Никогда не открывайте дверь незнакомцам! Алиса пренебрегла этим правилом и поплатилась: на нее напали и серьезно ранили. Но кому она помешала, ведь Алиса не имеет никакого отношения к криминалу? Правда, недавно погибла ее соседка Александра, которая вычислила банду грабителей, живущих в соседнем доме... Полиция почему-то отказывается расследовать гибель Александры, поэтому придется Алисе сделать это самой – только так она сможет избежать дальнейших покушений на свою жизнь. А вскоре у девушки появляется влюбленный в нее помощник... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-51292-8

© Романова Г. В., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Галина Романова

Не доставайся никому!

Глава 1

Голове было холодно и жестко, это Алиса чувствовала так же отчетливо, как ощущала свои волосы, рассыпавшиеся на бетонной лестнице. Ее шикарная шевелюра, предмет ее гордости и зависти всех бывших одноклассниц и сокурсниц, спутанными прядями рассыпалась на безобразных грязных ступеньках. Стало противно...

И еще она ощущала, как медленно – капля по капле – из нее уходит жизнь. Никогда не думала, что ощущение это может быть настолько острым и осязаемым. Считала, что человек просто умирает, и все. Либо больно ему, либо нет, но просто умирает, не чувствуя и не понимая, как это происходит. Так бабушка ее умерла, к примеру, тихо, во сне, ничего до конца не осознав.

Почему же с ней все иначе?

Сначала онемели пальцы на ногах. Решила, что замерзла. Зима же, а она на холодном бетонном полу лежит навзничь в халате и тапочках. Потом поняла, что это не тот холод, спасение от которого в теплой одежде, горячем чае и в движении.

Нет, это был холод смерти. Он студил пальцы ног, тихо подбирался к коленкам, Алиса уже и их перестала чувствовать. Это холод тормозил ее дыхание, сделавшееся медленным и сирым. Он останавливал ее сердце. Поначалу сердце так колотилось, что в ушах звон стоял. Теперь и его не слышно.

Зато отчетливо слышно, как шумит город за подъездной дверью! Оглушительно и преступно гомонит. В двух шагах от дома автобусная и троллейбусная остановки, там всегда многолюдно. Метров за пять в другую сторону стоянка такси. Там тоже сродняк будь здоров!

До слез было обидно, что там все движется, живет и суетится, а она тут одна и умирает. И никому, никому нет до нее дела. Посторонним хода в их подъезд нет. Два года назад они своими силами и средствами установили домофон. Ни мальчишки хулиганистые, решившие использовать их лифт под туалет, ни бродяжки, заскочившие погреться и покурить, а то и выпить, ни цыганки, навьюченные пуховыми платками и свитерами, – никто не мог случайно забрести сюда и наткнуться на нее, умирающую. Никто не мог ее обнаружить на площадке между третьим и четвертым этажом. Все, кто жил выше первого, ездили лифтом, работал он уже два года исправно. Выйти из него именно на этой площадке было некому. Здесь как раз жила Алиса в сорок восьмой квартире, а в сорок седьмой никто не жил вообще, она стояла уже полгода под замком.

Никто ее не найдет! И теперь она умрет: глупо и бесславно, так и не успев ничего стоящего совершить в своей жизни. Творила ли она добро? Может быть. Никогда особенно не задумывалась, помогая кому-нибудь, доброе то дело, или злое, или просто ничего собой не представляющее. Зла не желала никому точно. И всячески избегала неприятных историй. И вот...

И вот все равно попала в неприятную, гадкую историю, стоившую ей жизни. Мало того, что попала, кажется, стала главной и единственной ее героиней.

Хотя нет, погодите, погодите! Как это единственной?! А Александра из среднего подъезда? Она ведь тоже не так давно погибла. Может, конечно, это вовсе другая история. И совсем никак с ее не переплетающаяся.

Хотя верилось в это очень слабо. Почему?

Ведь Александра тоже погибла! Пусть под колесами автомобиля! Пусть все считают, что это был случайный наезд какого-то пьяницы или наркомана, нагло севшего за руль! Она-то Алиса, точно знает, что никакой случайностью гибель Александры из среднего подъезда не являлась. Это было самое настоящее убийство. Да, убийство, и нечего хмыкать! Что-то ходила Ершина много лет по одной и той же проторенной дорожке между их домом и магазинной стеной и жива была и здорова. А тут вдруг как стала кое-чем интересоваться и совать нос не туда куда следует, так сразу под колеса и попала.

– Совпадение! – отмахнулся от Алисы участковый, когда она попыталась навести его на след злоумышленников. – Никто не станет из-за глупых бабских сплетен убивать!

Но ведь убили же! Убили!!! Сначала Александру, когда та начала проявлять интерес к одному весьма загадочному обстоятельству. Теперь вот и ее грохнули, когда она, Алиса, не согласилась с результатами следствия по делу Александры и подала жалобу в прокуратуру.

– А вы ей кто? – поинтересовался сотрудник этой самой прокуратуры, принимая от нее заявление. – Родственница?

– Нет, у Александры Ершиной никого не осталось. Она жила одна.

– А кто же вы?

– Просто... Просто соседка. Человек, с которым она была чрезвычайно откровенна накануне гибели.

– А почему она именно с вами разоткровенничалась? Вы дружили?

– Не то чтобы.

– Почему тогда?

Она сейчас, балансируя на грани жизни и смерти, и сама понять не могла – почему. Что за блажь такая взбрела Шуре в голову, что она, поймав ее на улице за рукав пальто, начала шептать сбивчиво и страшно:

– Я знаю, Алиса! Я точно знаю, что права! Поверь мне!!!

Верилось с трудом, если честно.

– Если вдруг со мной что-то случится в скором времени, то из-за этого! Никто, никто мне не верит, даже ты! Но если со мной что-то произойдет, то все поверят!

Поверила, как ни странно, одна Алиса. Ни участковый, ни следователь, ни работники прокуратуры, никто не желал быть замешанным в этом, как они полагали, глупом деле. Никто не хотел выставять себя на посмешище.

– Может, она сама прыгнула под машину, понимаете? – горячился прокурорский, настоятельно рекомендовавший ей забрать у них заявление. – Сначала нагнала на всех страху, а потом, когда не получилось никого убедить, взяла и свела счеты с жизнью таким вот образом.

– Но зачем?! – непонимающе моргала Алиса. – Зачем ей это?!

– От одиночества. Она была по-своему несчастным человеком. Одиноким!

Алиса тоже была одиноким человеком, но прыгать под машину с целью погибнуть под ее колесами совершенно не собиралась. И еще с десяток одиноких знакомых у нее был с такими же жизнеутверждающими, как у нее, принципами. Многие находили в одиночестве массу преимуществ. Она, к слову, тоже.

Не хватало ей только бабушки! Старенькой, ворчливой, любящей ее всем сердцем. Ее Алисе очень не хватало. А в остальном...

Она прекрасно обходилась без сестер и братьев. Их у нее никогда не было, и знать, как ей жилось бы с ними, она не могла, потому и не тосковала по ним.

Отца она тоже не знала никогда. Мать так и не удосужилась объяснить, что это был за аист. Сама навещала их с бабушкой крайне редко, и то пока жила одиноко и беспутно. Алиса не помнила ее визитов, была тогда слишком маленькой. Потом мать обзавелась семьей где-то в Челябинске и забыла об их существовании вовсе. Алиса слышала краем уха разговор бабушки с соседками, что у матери будто родилась двойня, что жизнь у нее идет обеспеченным

и налаженным курсом, но настырно не интересовалась и не переспрашивала. Ей вполне хватало бабули.

Потом бабушки не стало, и в жизни Алисы образовалась гигантских размеров брешь. Залатать ее кое-как Алисе стоило двух лет жизни. Попривыкла, смирилась, но нет-нет да и кольнет в сердце...

Алиса попыталась шевельнуться, и тут же все тело свело мучительно болезненной судорогой. Особенно сильно болело чуть ниже левой лопатки. Туда ее ткнули острым предметом – может, ножом, может, шилом, – когда она вышла за порог квартиры, откликнувшись на звонок в дверь.

Она попалась? Попалась.

– Дурочка ты моя, дуреха, – качнула бы головой бабуля, предугадай она злой умысел во вполне безобидном, на Алисин взгляд, звонке. – Чего ты поплелась к двери-то? Кто мог позвонить? На двери-то домофон! Зачем кто-то знакомый да добрый стал бы звонить? Он бы от подъезда тебе звякнул.

Да! А кстати! Позвонили в дверь, не в домофон, стало быть, тот, кто звонил, либо хитростью пробрался в подъезд, либо жил в нем. Так ведь получается?

Получается так, только вот не могла Алиса представить себе ни одного своего соседа подстерегающим ее у квартиры с острым ножом в руке. Все добропорядочные, безобидные, солидные люди. А тут действовал убийца. Вон как мастерски ткнул ее под левую лопатку. Наверняка в сердце метил, да промахнулся.

Алиса в деталях вспомнила, как слышала чужое дыхание. Она точно его слышала, у нее от этого аж мурашки под халатом побежали. И все равно вышла на лестничную клетку. Зачем, спрашивается?! Затем, чтобы злоумышленнику создать идеальные условия для покушения на саму себя? Получается, так...

– Господи, как же больно, – прошептала она и снова попыталась шевельнуться.

Боль, как по приговору, тут же вернулась, заставив ее замереть. Алиса зажмурилась, полежала немного, привыкая к страшной судороге, и снова пошевелилась.

Нет, невозможно ни тронуться с места, ни перевернуться, ни кричать, она уже пробовала – не вышло ничего, кроме сипа. Ноги одеревенели, сердца не слышно. В висках только постукивает. Методично так, шелестяще.

Тук-шик-тук-шик-тук-шик... Потом тихо и снова-здорово: тук-шик, тук-шик...

Глухой стук становился все болезненнее и громче, и она вдруг поняла, что это конец. Еще минута-другая – и мозг ее взорвется. Алиса выгнула спину в промокшем насквозь от крови халате, застонала и раскрыла глаза.

Прямо рядом с ее щекой стояли мужские грубые ботинки черного цвета. Стояли, не двигаясь. Она снова застонала, ботинки шевельнулись, носы их разошлись в разные стороны. Алиса подняла глаза вверх, увидев теперь вполне отчетливо обтрепанную кромку сатиновых брючин. Дальше взгляд не полз, веки не хотели подниматься, будто придерживал их кто медными пятаками, какие на глаза покойникам раньше клали, бабушка рассказывала.

– Господи... – шепнула Алиса, прежде чем отключиться. – Помогите мне...

Глава 2

Такой суеты вокруг себя она не помнила с тех самых времен, как стала осознавать себя. Ее здоровьем интересовались все подряд: от главного врача горбольницы, куда ее доставила карета «Скорой помощи», до уборщицы с ее фирмы. О старшем руководящем звене и коллегах и говорить нечего, те по очереди навещали ее каждый день, присылали горы цветов, коробки конфет, пичкали ее фруктами, таскали в отдельную палату, которую ей выделили, запрещенную копченую колбаску, рыбку и тортики.

– Алиска, ну и перепугала же ты нас! – часто звучало в первые дни после операции, стоило лишь ей очнуться.

– Давай, давай, молодцом, поправляйся... – подбадривали ее через неделю.

– Ну, ты совсем уже молоток! Скоро снова прыгать начнешь! – восклицая уже ближе к выписке.

Она давила из себя улыбки, хотя тело болело нещадно, и причем все – от пяток до макушки. Кратенько отвечала, что ничего не помнит, и вздыхала с облегчением, стоило посетителям закрыть за собой дверь.

А потом пришел он – тот самый участковый, который не поверил в ее историю про Александра. Пришел сердитый, неулыбчивый и неучтивый.

– Здравствуйте, Алиса. – Он сел на красивый стул возле ее кровати, застеленной очень нарядным постельным бельем в белых лилиях. – Как вы себя чувствуете?

– Привет, Саня, – удивленно воскликнула она. – Чего это ты так официально со мной?

– Я на работе, – отрезал участковый, с которым она все детство лазила по деревьям, ловила бабочек, хоронила мертвых птичек и никогда не называла его Александром, только Санькой, Сашкой, Шуриком. – У меня к вам, Алиса, вопросы.

– Валяй, – позволила она с улыбкой, все еще не доверяя его деловитости.

Вот сейчас он рассмеется, зашвырнет свою рабочую папку на подоконник, взъерошит светлые волосы и...

Никакого «и» не случилось. Саня задавал ей официальные вопросы сухим казенным голосом, заносил ее – не слова, нет – показания в протокол. Потом попросил Алису подписать все разборчиво и тут же засобиравшись уходить.

– Ты чего это, Саш? – окликнула она его у двери. – С ума, что ли, сошел, да?

– Это не я, Алиса, это вы с ума сошли, – ответил он, стоя к ней спиной.

– То есть?..

– Со следователем говорить отказываетесь, чините препятствия дознанию.

– Да не чиню я ничего! Я просто не помню! – возразила Алиса с жаром и тут же почувствовала, как заныла перебинтованная рана под левой лопаткой. – Чего ты, а?

– Вообще ничего не помните?

Его голова чуть склонилась набок, Алиса увидела круглую щеку, кончик носа и бровь.

– Что-то помню, что-то нет, – ответила она уклончиво.

– А что помните? – Шурик обернулся и гневно взглянул на нее.

Так смотрел он в детстве, если она, не дождавшись, удирала без него на стадион или на речку. Требовал объяснений, дожидался их, внимательно выслушивал, потом принимал решение. Раньше все его решения были в пользу их дружбы. А что теперь?

– Саш, если будешь говорить со мной в таком тоне, то... То идите к черту, уважаемый! – выпалила она и всхлипнула. – Я едва не погибла, а ты!.. Если бы... Если бы не тот человек... Кстати, его наградили?

Участковый Александр Васильевич Назаров развернулся, качнувшись на каблуках, поднял вверх свою рабочую папку, будто собирался с ней на Алису нападать. Потом махнул ею в воздухе и швырнул на подоконник.

– Алиска, ты такая... Такая дурочка! – выпалил он, возвращаясь снова на стул возле ее нарядной коечки. Глянул на нее знакомыми несчастными глазами, вздохнул. – Меня из-за тебя чуть с работы не погнали! А Светка вообще...

– Чего это? – Алиса виновато улыбнулась. – Подумала, что ты меня ножом пырнул на почве ревности?

Пошутила неудачно. Его лицо тут же судорожно сморщилось. Пальцы сжались в кулаки. И задышал Назаров часто-часто.

– Прости, Саш, – Алиса выпростала из-под одеяла руку, дотронулась до его коленки. – Ну, прости меня! Чего Светка? Снова, да?

– Она... Светка ушла от меня, Алиска, – выдохнул он то ли с облегчением, то ли с болью, она точно не поняла.

– Чего вдруг? Чего сейчас-то именно?

Жена от Саши уходила каждый вторник. То есть собирала вещи обычно по вторникам. Ближе к пятнице чемоданы разбирала, выкладывала трусы с майками и колготками на полки шкафа. На выходные, когда Сашка бывал дома, при ней, она затихала. А с понедельника снова-здорово.

Причину для скандалов Светлана находила легко, будто песню складывала. Начинался первый куплет обычно с нехватки денег, припевом шла Сашкина, так и не утихшая с годами любовь к школьной подруге – то есть к ней, к Алиске. Вторым куплетом была его вечная занятость и отсутствие дома, снова припев. В третьем куплете, завершающем, Светлана всегда угрожала уйти от Саши к матери. Ну а если не выдыхалась, то снова повторяла припев.

Поначалу Сашка жутко психовал, валялся в ногах у жены, пытался что-то исправить, где-то подработать, даже занимал деньги. Потом понял, что причина кроется в самой Светлане, и смирился. Как-то уверовал в то, что она никогда от него не уйдет, и успокоился.

А оно вон как вышло!

– Когда я узнал о том, что с тобой случилось... – начал Саша нехотя рассказывать, но руки Алиски с коленки своей не стряхнул, хотя настойчиво не смотрел в ее сторону, сердился он так, значит. – Со мной такое началось, Алиска... Я орал не помню что! Носился по двору, по дому, звонил во все квартиры, чуть до обыска повального дело не дошло. Спасибо, опера наши меня уgomонили.

– Как это?

Алиса чуть не расплакалась от жалости к другу детства. Представила, как он бежит расхристаный по их двору, хватая всех за руки, за одежду, ломится в чужие квартиры, орет, обвиняет, ищет правды, и чуть не расплакалась. Она, наверное, тоже так бы с ума сходила, если бы Саша попал в беду.

– Как они тебя уgomонили?

– В лобешник треснули, я и осел, – Сашка вздохнул, поймал ее ладошку, сжал крепко. – Хорошо, народ весь понимающий знает нас с тобой прекрасно, никто жалоб катать не стал, а то бы... А Светка ушла. Вещи у нее со вторника собраны были, как всегда. Она их просто распаковывать не стала. Подхватила и слиняла к теще. Так вот...

– И что теперь? – Алиса выпростала из-под одеяла руку, оперлась о край кровати, намереваясь присесть, боль под лопаткой тут же вернулась, на лбу выступил пот. – Что теперь-то? Ушла и не звонит даже?

– Нет, не звонит, – Саша вскинул голову, глянул вызывающе. – И я не звоню! Сколько можно?! Задолбала уже!

– Что да, то да, – покивала Алиса и снова рухнула на подушки, сил сидеть не было. – Без понятий совершенно дамочка. И зачем ты на ней женился, Саш?

– Затем, что ты за меня не пошла! – воскликнул он с застарелой обидой и покосился на нее. – Вышла бы сразу за меня, все было б отлично и у нас, и у Светки тоже. Не мучилась бы она со мной.

– А она мучилась? – Алиса удивленно заморгала. – По-моему, это она тебя мучила.

– Да ладно тебе, подружка, сочинять, – Сашка вздохнул с печалью. – Знаешь ведь прекрасно, что я никогда любить тебя не переставал. Знаешь? Ну? Чего молчишь?

– Саш, не начинай снова, а, – попросила она, закусив губу.

История их любовных отношений насчитывала не одно десятилетие. Началось все еще с детского садика. Алиса в любви ему призналась в подготовительной группе. Сашка фыркнул и обозвал ее дурой.

В средней школе она повторила попытку, когда он взял все подряд призы в летнем оздоровительном лагере, побросал жестяные кубки и грамоты к ее ногам и умчался с вожатой наперегонки купаться. Ох, Алиса и ревела тогда. Еле-еле дождалась их возвращения, а вернулись они почти под утро – мокрые, взъерошенные, с припухшими губами.

– Что у тебя со ртом?! – ахнула Алиса, сидевшая допоздна на перилах их корпуса. – Вы что?.. Целовались?!

– Дура глупая, – ворчливо отозвался тогда Сашка и попытался обойти ее стороной. – Спать иди!

– Вы целовались, Саш? Я же вижу! Где вы были так долго?! Как же ты... Я же люблю тебя, скотина!

Было ей тогда то ли четырнадцать, то ли тринадцать лет, точно она не помнит. Но в груди болело совсем по-взрослому, и комок в горле вырос такой, что Алиса дышать не могла.

– Я же люблю тебя, Саш, а ты с ней...

– Я сказал, спать иди! – вдруг заорал он не своим голосом, тряхнул головой, с мокрых волос ей в лицо полетели брызги. – И забудь про любовь свою, дура!

Но она долго не могла забыть страшно болезненного чувства, называемого любовью. Мучилась почти все оставшиеся летние каникулы. А с наступившим новым учебным годом вдруг все прошло. К тому же к ним в класс пришел новенький. Да такой пригоженький. И о Сашке Алиса почти забыла. Вспоминала, лишь когда в школьном коридоре сталкивалась с ним на переменах, учились они в параллельных классах. Он тоже на нее почти не смотрел, откровенно заигрывая со старшеклассницами. На Алису лишь косился с небрежной снисходительностью. Гулять вместе они перестали.

Через год Алиса успокоилась окончательно, а еще через год Сашка пришел к ней на день рождения пятнадцатого июля с букетом ромашек и васильков, всучил их Алисе, дождался, пока бабушка уйдет ставить цветы в вазу и...

– Я не могу так больше, Алиска, – пробубнил он, глядя в пол.

– Чего не можешь? – отвечала она рассеянно, потому что ждала в гости того самого пригожего одноклассника.

– Без тебя не могу! – свистящим шепотом оповестил Сашка, схватил вдруг одной рукой ее за талию, второй за затылок, прижал к себе и полез к ней сухими горячими губами. – Люблю я тебя! Понимаешь, сильно люблю! Никто мне больше не нужен!

Алиса, как и водится порядочной девушке, получившей хорошее, пускай и старомодное воспитание, оттолкнула его, вlepила ему пощечину и выставила вон.

Было им тогда почти по шестнадцать...

– Саш, не начинай снова, – попросила Алиса, не желая вспоминать, что происходило между ними после того, как она ударила его и выставила за дверь. – Все давно переговорено.

Сколько можно?! Ты мне лучше скажи: что с тем человеком, который меня нашел и в больницу привез? Его наградили?

– Привезла тебя «Скорая», допустим, – нехотя сказал Сашка.

– Но вызвал-то он ее?

– Вызвал он.

– Ну!

– Что ну?

– И где он сейчас? Что это за человек? Я отчетливо помню, как он шел, слышала шаги. Помню, как он остановился возле меня, видела его ботинки и брюки. И что было дальше?

– Ох-ох-ох, Алиска, – пропыхтел Сашка, встал со стула, добрался до своей казенной папки и раскрыл ее. – Беда с тобой, да и только. Причем не мне одному беда.

– А кому еще? – переполошилась она.

– Спасителю твоему, кому же еще, – Саша тряхнул извлеченной из папки бумажкой. – Аристов Петр Иванович, пятидесятого года рождения.

– Надо же! – перебила его Алиса. – Петр Иванович, а я Алиса Петровна. Бывают же совпадения.

– Упаси тебя господь от таких совпадений, – фыркнул с возмущением Сашка. – Петр Иванович всю свою сознательную жизнь провел по тюрьмам и ссылкам. И в тот день, когда тебя нашел, только три дня как освободился. Думаю, что в подъезд он зашел лишь затем, чтобы вновь совершить нарушение закона. С преступным замыслом он туда зашел, думаю я.

– А тут я, – эхом отозвалась Алиса, задумавшись.

– А тут ты! – подхватил он. – Получилось, что он и тебе жизнь спас, и себя от срока уберег... возможно.

– А сейчас-то он где? – Алиса, снова забыв про боль под левой лопаткой, вылезла из-под одеяла.

– Сейчас он сидит.

– Где сидит?! – вытаращилась она, не поняв

– В следственном изоляторе сидит.

– Да за что же?! Он ведь мне жизнь спас! Вы что, с ума сошли совсем, да?! Кто его туда? Ты?!

– Ну... не без моей помощи, Алиска, – честно признался Сашка, он редко врал ей, почти никогда. – Я, когда буйствовал, чуть башку ему не снес. Думал, это он тебя... Потом уже опомнился, понял, что не он. Но он ведь запросто мог быть сообщником?

– Не мог, – Алиса надула губы, глянула на него с укоризной. – Какой ты!.. Не мог он быть сообщником.

– Почему?

– Потому что покушение на меня готовилось, Саш. Думаю, тщательно готовилось. Кто-то вошел в подъезд беспрепятственно.

– Аристов, кстати, тоже не заморачивался этим, – язвительно перебил ее друг детства.

– Отстань, – отмахнулась она от него. – Вот этот кто-то вошел, позвонил в мою дверь, стоял, дождался, пока я пойду к лестнице...

– А зачем ты туда пошла?

– Думала, что замешкалась с замком, и тот, кто пришел, меня не дождался и вернулся к лифту.

– Дальше!

– Так вот, он шел за мной, я помню его дыхание на своей шее.

– Чего же ты не оглянулась? Не позвала на помощь? Чего не заорала?! – взвился Сашка, оперся спиной о стену, наклонился вперед, посмотрел на нее все с той же затаенной болью. – Я же чуть... Я без тебя... Сама знаешь, девочка! Почему так неграмотно? Почему необдуманно?

Открыла, вышла из дверей, пошла к лестнице... Господи! Чувствовала, что сзади кто-то есть, и даже не оглянулась. Почему?!

– Страшно было, Саш. Меня вдруг накрыл такой страх, что... Что когда в меня нож воткнули, я даже облегчение мгновенное почувствовала.

– Дура! – рывкнул он, и губы его побелели. – Ох, и дура ты, Алиска! Надо было мне сказать! Ясно же, что тебя пасли! Дома в будний день ты не всегда сидела. Кто мог знать, откуда? В подъезд не так просто войти. Тут либо за кем-то вошли, либо через соседний проникли, там не домофон, а кодовый замок, код известен даже дворовым кошкам... Тебя пасли...

– А я что говорила! Я говорила тебе и следователю, писала заявление в прокуратуру.

– Жалобу?

– Да. О том, что мне отказано в возбуждении уголовного дела по факту гибели Александры Ершиной.

– И чего ты добилась? Возбудили?

– Нет. И там отказали, – Алиса покосилась на возбужденного друга. – Вам только пожалейся! Так вы... Аристов почему в следственном изоляторе? Он ведь только что освобожден, сам говоришь. И человека спас, то есть меня. За что вы его там держите?

– До выяснения обстоятельств, – буркнул Сашка сердито и начал застегивать рабочую куртку. – Вот как все прояснится, может, его и выпустят.

– А кто станет прояснять-то? Кто?

– А хотя бы и ты, – Саша притормозил у двери и снова стал казенным человеком. – Захочешь сотрудничать со следствием, выложишь все, что известно по факту покушения на тебя. Тогда и...

– Отпустите его немедленно!

Алиса сжала кулачки и замахала ими в воздухе, никаким другим образом выразить свою бессильную ярость она сейчас была не способна. Если бы могла вскочить с кровати и добраться до Сашкиной вихрастой макушки, давно бы уже по ней нащелкала или папкой его по горбу огрела.

Разумничался тут, понимаешь!

– Отпустите его, слышишь! Или я... Или я жалобу снова на вас на всех накатаю, включая тебя! – орала Алиса.

– Спасибо, – клоунски поклонился ей друг детства, надвигая форменную фуражку на самые брови. – Чего бы доброго от тебя дожидаться!

– Отпусти Аристова, Александр! – зазвеневшим от обиды голосом потребовала Алиса и через силу свесила ноги с кровати, чуть приподнялась. – Отпусти! Ты можешь!

– Нет, не могу. Прав таких не имею. И что я скажу им, девочка?

Этим вот снисходительным «девочка» он называл Алису в старших классах, когда все уже будто бы знал про взрослую жизнь, и сейчас окончательно вывел ее из себя. Держась за спинку кровати, Алиса встала на ноги, взглянула на него, как на врага, и прошипела:

– Ты отпустишь его, потому что он спас мне жизнь! И потому еще... что он мой отец!..

Глава 3

День выписки выдался морозным и солнечным. Алиса не любила такую погоду, у нее всегда слезились глаза. Если приходилось ехать на машине, еще куда ни шло, нацепила солнцезащитные очки, и все. Но идти по улице, заправив дужки темных очков под меховую или вязаную шапку, ей совсем не улыбалось. Она была бы похожа на инопланетное существо. Смешное и нелепое.

Понаблюдав за солнечными бликами, скользившими по замерзшему стеклу, она прикрыла глаза и снова задремала. Очнувшись внезапно от то ли шороха, то ли скрипа. Распахнула глаза и тут же увидела его.

Мужчина сидел на стуле возле ее кровати, поставив локоть на коленку, подбородок его лежал на большущем странного серого цвета кулаке. Он внимательно ее рассматривал.

– Вы Аристов Петр Иванович? – сиплым со сна голосом спросила Алиса.

Он со вздохом кивнул.

– Чего здесь делаете?

– За тобой пришел. Тебя же сегодня выписывают... дочка, – добавил он с усмешкой после паузы.

Голос у него оказался неожиданно тонким, почти писклявым, что совершенно не вязалось с его внешностью. Он был большим, даже громоздким. Покатые широченные плечи, сутулая спина, громадные ступни все в тех же лобастых ботинках, которые она уже имела счастье наблюдать.

Землистого цвета лицо его было похоже на старую фетровую шляпу ее покойного деда, которого она не знала совсем, а вот шляпу его, с коей бабуля ни за что не хотела расставаться, Алиса помнила преотлично. Она до сих пор хранилась в ее доме в большой круглой коробке на антресолях – коричневого фетра, изъеденная молью, давно утратившая форму. Лицо у Петра Ивановича было таким же – темным, бесформенным, истыканным оспинами. Некрасивое, изможденное лицо уставшего от жизни, а может, от самого себя человека.

А вот глаза его Алисе понравились. Темно-карие, почти черные, они смотрели на нее из-под лохматых ресниц с азартным авантюрным интересом. Будто Петр Иванович после ее неосторожного заявления и впрямь родство какое-то пытался в ней найти.

Зря старается, чуть не фыркнула Алиса. Ее отец не мог быть уголовником со стажем. Кем он был, она представления не имела, но что не уголовником – это сто два процента. Ее мать, может, и не очень ответственной была в молодости, но очень разборчивой, бабушка говорила. Очень!

Одет Петр Иванович был в сатиновый спецовочный костюм черного цвета. Наверняка его выдали власти, выпуская Аристова на волю. На голове красовался темный берет, поэтому рассмотреть его шевелюру Алисе не удалось. Вокруг шеи в две петли был обернут женский вязаный шарф лиловой шерсти. И уже через минуту Алиса с удивлением узнала этот шарф – он был ее.

– Позаимствовали, папочка? – кивком указала Алиса на шарф.

– А что было делать? Горло болело очень. Да пока тебя волочил вниз-вверх, вовсе вспотел, потом морозцем на улице прихватило, в камере затемпературил, – объяснил он запросто, не переставая ее рассматривать. – Ты против?

– Против того, что взял мою вещь, ничего не имею. Я категорически против вранья, – она сузила глаза, что делала в моменты чрезвычайной сердитости. – Что ненавижу больше всего, так это когда люди врут!

– И где же я тебе сбредал? – удивился он.

– Пока меня тащили вниз, вверх-то как бы незачем, вы не могли знать, что вернетесь. И что в камере затемпературите, предвидеть не могли, Петр Иванович, значит, что?

– Что?

– Шарф взяли еще до того, как меня вниз понесли.

– Точно, – обрадовался он вдруг, покачал головой, стянул берет, под ним обнаружилась обширная лысина. – Точно ведь! Шарф я с вешалки стянул, когда «Скорую» вызывал с мусорами. Тебе он не скоро понадобился бы, если вообще мог. А мне пригодился.

– А что еще из моей квартиры вам пригодилось? – как бы невзначай поинтересовалась Алиса, глянула на часы – скоро за ней заедет Сашка, надо уже собираться, а дядька сидит и сидит.

– Ничего! – Он дернул ногтем большого пальца по резцу. – Век воли не видать, ничего больше не взял! Западло как-то...

– Что именно? – Алиса подтянула к себе халат, свесила ноги и, старательно прикрываясь от гостя одеялом, надела халат на себя.

– Ты в крови на лестнице, а я хату твою буду чистить? Это не по понятиям, дочка.

– Ух ты! – Она надела больничные тапки, осторожно встала и пошла к окну. – А вы всю жизнь только по понятиям и жили?

– Старался, – скромно потупился Аристов.

– И чем конкретно занимались по понятиям?

Историю признанного ею же самой папаша она уже знала наизусть. Сашка постарался, просветил, без конца стуча себя кулаком по лбу и призывая ее тем самым к благоразумию. Не призвал. Потому и сидит теперь перед ней Аристов Петр Иванович собственной персоной и, кажется, уходить не собирается.

– Вор я, дочка, – бесхитростно пояснил Аристов. – Всю жизнь, сколько себя помню, воровал.

– Ну вот своровали вы, а дальше? Украл, выпил, и в тюрьму?

– Хе-хе-хе, – то ли засмеялся, то ли закашлялся он. – Почти так, только кое-что ты пропустила.

– И что же?

– Украл сначала, потом сбыл, а потом уже выпил, ну, а там и в тюрьму. Вот как приблизительно дело обстояло.

– И так всю жизнь?! – она обернулась на него от окошка, посмотрела на его сгорбившуюся спину. – И ни детей, ни жены никогда не было? И родственников тоже?

– Ну почему же? – Он вдруг засмутился, встал даже со стула, оказавшись не таким высоким, каким казался сидя, шагнул к ней, скрипнув ботинками. – Мать была, померла. Отца не помню, не знал, наверное, его. Сестра была. Все померли, давно уже. А жены и детей никогда не имел, это ты в точку. Меня когда мусор из камеры тащил и сказал: тебя дочь отмазала, я чуть не упал, честное слово. Думаю, откуда?! Нет, ну с бабами спал, конечно, я же не монах. Но чтобы дочка! Это потом уже я сообразил, что ты меня так за спасение свое благодаришь. Угадал?

– Угадать-то угадали, только вот есть у меня к вам один вопрос. На засыпку вопрос, – она снова сощурила глаза, такие же темно-карие, как и у Аристова. – Что вы в тот день делали в моем подъезде? Мой друг Сашка утверждает, что вы туда шли на дело. Это так?

Если соврет, она его тут же выставит из палаты и забудет о нем и его благодеянии, спасшем ей жизнь. Вот только пусть попробует сблужать, как он изволит выражаться. Она его...

– Конечно! А что еще я там забыл?! – удивился он даже с обидой будто, тут же виновато умолк, а потом без всякого апломба продолжил: – Выпустить-то меня выпустили с зоны, только спросить забыли, а есть ли мне куда идти? А идти-то мне некуда, как и сотням других, таких, как я. Справка в кармане, угла нет, на роже все ходки мои прописаны. Кто на работу меня

возьмет? Никто. Кто на квартиру пустит? Никто. Есть дружки какие-то, конечно, но сунься к ним, снова угодишь в дерьмо лаптями. Вряд ли жив останешься. Ты уж извини за грубость, но как есть, так и говорю. Шел по улице, дом искал, чтобы не запирался. Все сейчас замков на подъезды наставили. Вот встал прикурить возле твоего, смотрю, а дверка-то неплотно прикрыта. Не может быть, думаю. А потом присмотрелся, а там внизу чопик кто-то вставил, чтобы дверь не захлопнулась. Я и пошел. Даже не задумался сначала: кто так сделал, зачем. Шел по лестнице, на двери глядел, замки рассматривал. Сильно долго возиться не хотелось. Искал что попроще. Ну и нашел...

– Чего нашли?

– Тебя нашел, дочка, – Аристов развел руки в стороны, мол, не обессудь, что было, то было. – Лежишь синяя уже вся. В луже крови. Халатик задрался, коленки острые. Ребенок еще совсем.

– Мне двадцать пять.

– Старая! – хихикнул он тонко. – Мне-то уже за шестьдесят, дочка. Ты для меня ребенок. Пожалел я тебя. Сначала, правда, не было таких мыслей, честно говорю, раз ты просишь. Огляделся, заметил открытую дверь, сунулся туда. Шмонать не стал, шарфик один взял. А у него запах...

– Какой?

– Сладкий. У сестры моей был пацанчик, мне довелось с ним немного понянчиться. Он так же вот пах сладко. Игривый был, как котенок... Потом я сел, а они в половодку погибли, через реку лодкой перебирались и потонули... Так вот... Пожалел я тебя, дочка.

– Понятно.

Она почему-то ему верила. Хоть Сашка и просил выбросить всю дурь из головы и держаться от этого уголовника подальше, она верила ему, как ни странно. И еще жалела из-за старости его бесприютной и бездомности обреченной. И вообще, он жизнь ей спас, и она ему теперь хоть чем-то да обязана отплатить.

– Вы понимали, что на вас могут повесить всех собак? – вспомнила она Сашкино изречение.

– Не дурак, – кивнул Аристов.

– И все равно поволокли меня вниз по лестнице?

– А что было делать? Больничку вызвал, мусарню тоже. А они ехали двадцать минут. А ты околеваешь на ступеньках-то. Накинул я на тебя твою шубу, тоже с вешалки снял, укутал да потащил. Думаю, совсем время упустят, паскуды. Прости...

– И что теперь?

Этим вопросом Сашка выносил ей мозг предыдущих два дня. Просто нервы все измотал, желая знать, как она поступит. А она типа знала!

– А что теперь? – Аристов пожал плечами, снова надвинул на лысину беретку. – Сейчас сдам тебя твоему мусорку и пойду.

– Куда?

– Куда-нибудь.

– Снова воровать? Больше-то вы ничего не умеете, – зло фыркнула Алиса.

Решения никакого не находилось, хоть лопни, не знала она, как и чем выразить ему свою признательность. Деньги предложить можно, но пошло как-то, да и не было у нее денег. Жила в подборочку, как бабуля говаривала.

– Почему же это не умею? – вдруг вскинулся Аристов с обидой. – Я за столько-то лет ремесел много освоил. И сапожник, и портной, и плотником могу. Только не берут меня нигде. Роба у меня уголовная. Так вот...

Тут за дверью зашуршало, задвигалось, и через мгновение в палату ворвалась коллега по работе Тая под руку с Сашкой, увешанным Алисиной одеждой.

– Приветик, милая! – взвизгнула Тая и полезла к Алисе с поцелуями. – Отлично выглядишь. Ничего тебя не портит, больничный дух пошел даже на пользу, эдакая аристократичная бледность появилась, везет! Вот бы мне так!

Она трещала, поворачивая Алису то лицом к себе, то спиной, успевая при этом ее причесывать, затягивать волосы резинкой и без конца чмокать в щеки.

Сашка замер у стены, в одной руке он держал Алисины сапоги, через другую была перекинута ее шуба, в кулаке зажата шапка. Он смотрел на подруг с умилением и молчал.

– Ну! Чего вытаращились? – обернулась к мужчинам Тая, похоже, к присутствию в палате Аристова она была готова. – Выметайтесь отсюда, будем одевать больную.

Александр осторожно сложил вещи на стул, толкнул Петра Ивановича в плечо и следом за ним вышел в коридор.

– Ну! – Тая снова повернула Алису к себе лицом. – Рассказывай!

– О чем? – вздохнула та.

У нее немного кружилась голова и в горле пересохло. Захотелось вдруг горячего чая с маковыми сушками, потом залечь на диван в собственной гостиной. Уставиться в телевизор и посмотреть какое-нибудь милое кино про любовь и нежность. Отвечать на Тайкины вопросы и тем более думать о чем-то опасном, к примеру: а почему это с ней все случилось, не хотелось совершенно. Потом как-нибудь, не теперь.

Но от подруги не так-то просто было отделаться.

– Как о чем?! – заверещала она, усаживая Алису на кровать и натягивая на нее колготки. – Сашка возле тебя неспроста крутится, я правильно поняла? Что у него со Светкой?

– О, боже!!! – простонала Алиса, оттолкнула руки Таи и начала одеваться сама. – Опять ты за старое?!

Тайке жуть как хотелось их с Сашкой поженить. Всякий раз, когда Светлана собирала вещи, подруга науськивала Алису подобраться к другу детства поближе.

– Это же твой мужчина, дурочка! – восклицала она. – Вас боги не зря свели еще в детстве!

– Свели, развели, поженили... Отстань! – отмахивалась от нее Алиса и спешила завести какое-нибудь романтическое знакомство, чтобы Тае было чем заняться. Она ведь моментально переключала все свое внимание на ее нового избранника.

– Ну и что у него со Светкой? – и не подумала успокаиваться Тая. – Он мне сказал, что они расстались. Это правда? Светка ушла наконец от него к своей мамаше? Не соврал? Вижу, что не соврал. Алиска, это судьба! Ну, как ты не понимаешь!

– Что ты несешь, подруга? – возмутилась Алиса, застегивая теплую кофточку до самого подбородка, встала, взяла в руки шубу. – Судьба распорядилась так, что меня ранил какой-то ублюдок и оставил умирать на ступеньках, чтобы потом Сашка носился по двору и дому как сумасшедший...

– Он был в неистовстве!!! – поправила ее с пафосом подруга. – Твоя соседка через стенку, она в соседнем подъезде живет...

– Тетя Маша?

– Она. Так вот, она всерьез опасалась за его рассудок. Говорит, бедная Светочка, она не смогла пережить такого позора и ушла к маме. Прикинь, а? – Тайка заржала, как лошадь, распахнула халат, под которым у нее обнаружилась теплая куртка. – Жара какая. Слышь, Алис, а этот плешивый – тот самый, что тебя спас?

– Он самый. Аристов Петр Иванович.

– Ишь ты... – Подруга помолчала три секунды, потом снова застрекотала: – Как ты его благодарить-то думаешь? Сашка сказал, что у тебя ума хватило его папашей своим назвать? С дуба рухнула?! Нашла себе папочку! У него же три пожизненных на роже прописаны!

– Он не убийца, если ты об этом. – Алиса подошла к зеркалу, заправила волосы под шапочку, вздохнула. Тая безбожно врала, выглядела она на слабую троечку, если не на двойку. – Он просто вор. Вор, которому никогда не везло.

– Почему это не везло?

– А с чего тогда он каждый раз попадался? Он же всю свою жизнь сознательную провел в тюрьме. Если бы везло, разве бы он там был?

– Логично! Алиска, ты такая умница! Сообразительная, жуть! – восхищенно ахнула Тайка, шагнула следом за ней из палаты, тут же снова не выдержала, дернула ее за рукав. – Чего же тогда логика твоя тебя подвела, а? Чего не просчитала ситуацию? Как же ты на нож попала?

– Это был не нож, – поправила Алиса, и рана тут же заняла противно и болезненно. – Скорее всего меня пырнули шилом. Или остро заточенной отверткой.

– Ух ты! – Тайкины зеленые глазищи сделались темнее болотной тины – верный признак забродившего любопытства. – Ты видела, да, видела?!

– Это заключение хирурга, который меня оперировал. Как ты любишь сенсации, дорогая. – Она поцеловала подругу в нос, прошептала: – Поверь мне, в этом нет ничего интересного.

– Да ладно! – не поверила та. – Это очень, очень интересно.

– Нет, это очень, очень опасно. Саш! – позвала Алиса зазевавшегося у стенного плаката друга детства. – А где Аристов?

– Ушел. Все тут стоял, а потом куда-то подевался. Я даже не заметил, – отозвался тот, подскочил к ней, подхватил одной рукой Алису под руку, второй обнял за талию. – Тебе так удобно?

– Мне так неудобно! – воскликнула она.

Неожиданно вдруг захотелось заплакать от какой-то детской обиды – когда непонятно на кого и на всех одновременно обижаешься. Оттого, что сильно болело под левой лопаткой, и еще немножечко от страха хотелось реветь. Вот она сейчас вернется домой, а дальше? Снова сидеть и ждать страшного звонка в дверь? Вдруг он не заставит себя ждать слишком долго? Вдруг все повторится?

– Мне неудобно, что человек, который спас мне жизнь, куда-то подевался. Вот стоял, стоял тут и, нате вам – подевался. Это ты его прогнал, да?! – нашлась она тут же, ну не всеми же страхами с ним делиться.

– Никого я не гнал, – ответил Сашка и настойчиво потащил ее по коридору к выходу. – Я просто не смотрел на него, и все. Может, он обиделся.

– Нашли из-за кого беспокоиться, – фыркнула Тая, опережая их на шаг. – Нужна будешь, объявится. А не нужна... Это его выбор.

Неожиданно слова подруги Алису успокоили. В самом деле, не стоило переживать из-за того, что Петр Иванович решил уйти. Может, ему стало неловко. Может, появились какие-то неожиданные дела. Или кто-то знакомый объявился.

Последние два предположения Алису немного настораживали, потому что и дела у Аристова навряд ли могли быть праведными и друзья правильными. Но очень хотелось верить, что вот уж теперь в жизни Петра Ивановича все пойдет иначе, не так, как прежде.

Дома ее долго не оставляли в покое. Тайка исхлопоталась по хозяйству. Все что-то варила, жарила, разогревала, нарезала на деревянной доске. Квартиру убрала еще с вечера, готовясь к возвращению подруги.

– Ну, куда ты столько наготовила, скажи? Все же пропадет, – застонала Алиса, обнаружив холодильник забитым до отказа. – Кому все это есть?

– Сашка поможет, – подмигнула ей Тая со значением и сразу засобиравшись, сославшись на занятость.

Это она специально решила их наедине оставить, догадалась Алиса и тут же разнервничалась.

Дел у Тайки никаких не было и быть не могло вне работы. Все ее дела за служебным порогом сводились к опеке над Алисой, разбором ее неудачных полетов и устройством личной жизни опять же не своей, а подруги. На себя Тайка давно махнула рукой, сочтя, что ее счастье в личной жизни заплутало где-то в студенческих коридорах. И по этой самой причине Алисе доставалось за двоих.

– Вот что ты напялила сегодня, а?! – шипела на нее Тая, если Алиса на день рождения босса надевала повседневное платье и в нем же шла в ресторан. – Ты посмотри, как юротдел вырядился! А ты?!

– Не смей никогда больше так стричься! Тебе не идет!

– Эти туфли выбрось и забудь, а вот эти полусапожки даже на ночь не снимай. У тебя в них такие ножки...

– Блузку, блузку бери именно такого цвета, Алиска. И вот эту юбочку, – трясла вещами в примерочной кабинке Тая, наряжая ее к очередному выходу в свет. – Ты просто супер в них. Я же лучше со стороны вижу...

Теперь вот Тайке увиделось, что покушение на Алису из той породы несчастий, которые помогают, пока счастье дремлет.

– Не упusti свой шанс, – сипела она ей в ухо, прощаясь у порога. – Не упusti, а то вдруг Светка вздумает вернуться. Сашка, он же...

– Он же что? – вздохнула Алиса, закатывая глаза.

– Он же слабое существо, как все мужчины. Светка вернется, расплатится, он и простит.

– Мне казалось, что прощать она должна, а не он? – наморщила лоб Алиса. – Совсем я запуталась.

– Ладно, время все распутает, – беспечно хмыкнула подруга и вывалилась за порог. – Ты, главное, не упusti парня. Такой мужик! Такой мужик!

Саша убирал со стола, когда Алиса вернулась из прихожей. Сосредоточенно гремел тарелками, стаканами – они с Тайкой решили немного выпить за возвращение хозяйки. На Алису он старательно не смотрел. Сделал первый рейс в кухню, вернулся с полотенцем, принялся сметать в ладонь хлебные крошки со скатерти. Потом аккуратно ее сложил, убрал в нижний ящик серванта. Понес полотенце в кухню. Вернулся с чайником и снова с полотенцем. Потряс им, спросил:

– Может, чаю выпьем?

– Спасибо, не хочу, – Алиса смотрела на друга детства, неожиданно и не без ее помощи обретшего свободу, исподлбья.

Что делать с ним, она понятия не имела. Он чего-то ждет от нее и помалкивает. С намеком помалкивает, еще вздыхает, губы покусывает. А она что? Утешать его обязана? Ей бы самой утешиться. Но не в его объятиях, это уж точно. В постель она с ним не ляжет сто процентов.

– Как продвигается расследование, ты не в курсе? – задала она, казалось бы, совершенно безобидный и уместный вопрос.

Влезла на диван с ногами, усталилась на Сашу.

А он вдруг разозлился. Чайник в кухню отволок, полотенце запулил куда-то в угол. Вернулся с красным злым лицом, взъерошенными волосами.

– Чего ты опять, а? – Сашка сел к ней на диван, обхватил ее щиколотку большим и указательным пальцами, как в детстве на речке всегда делал. – Чего опять начинаешь?

– Начинаю?.. – опешила она и задргала ногой, но он ее не выпустил. – Что начинаю-то?

– Расследование... Следствие... Давай еще про бросившуюся под колеса Александру поговорим, да? Времени больше не будет, что ли! Предлагаю лучше о нас с тобой поговорить, – Саша глянул на нее глазами глупого телка, нервно дернул губами, пытаясь улыбнуться. – Нам же есть что обсудить, так?

– И что же?

Вот помогать она ему точно не станет. Хватит! Было время, помогала, своими словами давилась, из него признания выбивала. И ничего взамен, кроме дуры, не получала. Да ну его вообще! Он еще даже развестись толком не успел со Светкой своей, а ее уже за ноги хватает.

– Ну как что, Алис? – Сашка полез на диван с ногами и как-то так ловко устроился, что она оказалась притиснутой им к спинке. – Разве мы... Мы – это ты и я, Алиса, и никого больше! Я так перепугался за тебя... Господи, я очень скучал, я только о тебе и думал. И всегда мечтал о тебе, Алиска...

Он дышал ей прямо в ухо, и от этого стало жарко и щекотно виску. Алиса чуть не рассмеялась. Раньше, когда она была молоденькой влюбленной в него дурочкой, от его дыхания ей судорогой сводило позвоночник и живот. Хотелось жмуриться от счастья и стонать. А теперь она ничего не испытывает, кроме неудобства. И руки его смешили, путавшиеся в пуговицах ее вязаной кофточки. Неумелые, неловкие, помнится, подростком он был более активен и смел.

– Саш, отстань, – Алиса схватила его за пальцы, нащупавшие ее сосок под кружевом лифчика, оттолкнула. – Не хочу! Иди домой, тебе пора.

– Ну почему, Алис? Почему?

– Просто не хочу. И еще... – Тут она вдруг пожалела его, слишком уж жалким и растерянным он выглядел, и соврала: – И еще мне больно. Рана болит, черт знает как. Спать хочу. Искупаться хочу и спать. Ступай домой, Саш.

– Алиса... Ты же знаешь, как я к тебе отношусь... – Он сел с зажатыми меж коленок ладонями на край дивана, сгорбился. Замотал головой, зажмурившись. – Мне без тебя не жить.

– А как жил! Счастливо вполне, – поддела она его. – И даже в свадебное путешествие ездил со Светкой, и детей планировал. Мебель покупал, на машину копил. Ты, Сашка... непутевый!

– Ну почему, Алиса, почему?! – он зло сощурился. – Почему ты так со мной? Из-за него, да? Из-за этого хлыща?

Она не поняла, кого он имеет в виду. Он всегда на кого-то намекал. И ревновал ее даже к сослуживцам. Вот не было у него, казалось бы, прав на нее никаких, женат он и все такое, а ревновать не переставал. Нет-нет да и предъявит в разговоре. Она фыркала, близко к сердцу укоры не принимала, но временами это надоедало и раздражало.

– Мои хлыщи к тебе никакого отношения не имеют! – рывкнула она, собрав остаток сил. – У тебя есть жена.

– Она ушла, – ответил Сашка, но без особого напора.

– А если завтра вернется, что тогда? К ней побежишь?

И он не ответил ей ничего. Резво соскочил с дивана, схватил с кресла свой джемпер, скоренько натянул через голову и помчался к выходу, будто Светка после ее слов и правда уже топталась у порога.

– И катись! – показала ему вслед язык Алиса.

Не сказать, что она сильно огорчилась его спешному уходу, но неприятное чувство в душе осталось. И морозило там, и морозило весь остаток дня. И миленькое кино про любовь и нежность не помогло, а как раз наоборот – прослезилось. Вон как у них там все здорово, а у нее...

Под монотонное бормотание телевизора Алиса, не помня как, задремала. Очнувшись внезапно, будто кто в плечо ее толкнул. Она распахнула глаза, уставилась в телевизор, экран заполняла серая рябь, стало быть, дело идет к утру. Этот канал вещал часов до двух-трех ночи, не больше. Звука не было, вообще в комнате стояла тишина.

Что могло ее разбудить?

Она заворочалась, тут же вспомнила, что так и не искупалась после больницы, и уснула на диване в той одежде, в какой вернулась домой. Спасибо Сашке, хоть кофту с нее стянул.

Ушел обиженным. Дверь захлопнул. Еще заорал с порога, что захлопнет, чтобы она не вставала. А вдруг не закрыл? Вдруг ее дверь не заперта сейчас, и кто-то крадется по темной прихожей, чтобы...

Ей стало так жутко, что она резко подтянула колени к подбородку и едва слышно заскулила. Тут же в помощь теперешним страхам вспомнился ужас, который она испытала на лестнице за мгновение до нападения, и ей сделалось совсем худо.

Нужно позвонить! Позвонить Сашке, он прибежит. Он непременно примчится ее спасать. И она постелет ему в бабушкиной спальне, черт с ним, пускай спит там. И даже простит ему приставания. Уступить, конечно, не уступит, но простит. Только бы добраться до телефона. Где она его оставила? В сумке, правильно. А сумка где? В прихожей, где ей еще быть. На полочке покоится, аккуратно под вешалкой, где вещи висят, с нее-то Аристов и стянул ее шарф. Почему бы не взять телефон сюда – в комнату? Почему она о нем забыла? Машинально, заученным годами движением швырнула сумку на место, а про то, что телефон остался в крохотном кармашке, и думать забыла. Что делать? Надо слезать с дивана, идти в прихожую, доставать мобильник. И звонить Сашке.

– Ужас какой, – едва слышно шепнула Алиса и всхлипнула. – Там темно!

Темно было во всей квартире. Сашку она выставила, когда еще за окном стоял день. Потом смотрела кино, но сразу уснула и проспала вон сколько. Кому свет-то включать? Если бы не рябой экран телевизора, вообще бы на ощупь пришлось красться. А идти надо, и чем быстрее, тем лучше, потому что Алиса поняла вдруг, что ее разбудило.

Кто-то, какой-то отчаянный гад осторожно копался в ее дверном замке, намереваясь вскрыть его! И если она сейчас не вызовет Сашку...

Конечно, не вызвала! Вместо того чтобы прокрасться потихоньку за мобильником и позвонить потом из дальней комнаты, она включила все освещение, которое имелось в прихожей, то есть три лампочки под потолком и две на стенах. Подошла к двери, с силой лягнула ее ногой и заорала что есть силы, так, во всяком случае, ей показалось:

– Эй, что там за скотина за дверью?! Я сейчас мужа разбужу и милицию вызову!

Колупание в замке прекратилось, или это просто бешеный гон ее крови заглушил все звуки, кто знает? Но Алиса точно минуты две ничего не слышала, ни единого звука, только шум в ушах и стук ее перепуганного, чудом уцелевшего в первой схватке сердца.

– Вали отсюда, козел! – заорала она, лишь бы не слышать этой оглушительной тишины, которая была куда опаснее скрежета в замке. – Я сейчас точно милицию вызову! Саш, а Саш, вставай! Кто-то в дверь к нам ломится!

Снова тишина. Тишина в ее квартире, нарушаемая лишь едва слышным шуршанием телевизора, тишина за дверью. Но потом там звякнуло, будто о бетонный пол что-то металлическое ударилось, следом возня послышалась какая-то, и вдруг из замочной скважины раздалось:

– Дочка, не надо мусоров. Это я – Петр Иванович Аристов, папашка твой нареченный. Хотел открыть по привычке, да замок тебе больно мудреный твой участковый вlepил. Пару дней назад поставил. Паскуда.

Да, Саша поменял ей замки, пока она в больнице лежала. Ключи никому не дал, даже Тайке. Один комплект вручил самой Алисе, остальные оставил себе.

– Так мне некого будет подозревать, – пояснил он. – Так спокойнее.

– А если Светка вернется и допрос учинит? – пристала Алиса тогда.

– Ключи у меня в сейфе рабочем хранятся. Я дурак, что ли, их домой нести! – фыркнул он с понятным ей озорством, тут же сообразил, что брякнул лишнее, смутился и поспешил перевести разговор на другую тему.

Вот по этой еще причине она не оставила его у себя, с запоздалой мстительностью подумала Алиса, о запасном аэродроме ее друг детства как-никак, а печется. И в тот же миг отперла дверь.

О чем она думала вообще, впуская этого странного человека с богатейшим прошлым в свой дом глубокой ночью? Он же мог что угодно сотворить! Убить ее или ограбить. Или сначала убить, а потом ограбить. Страшнее, кажется, ничего уже нет. Но...

Но ограбить он мог ее еще тогда, когда она умирала на лестнице в луже крови, между прочим. Возможность уникальнейшая, ни хозяев тебе, ни свидетелей. А он ею не воспользовался. Ему даже тогда руки марать о нее не пришлось бы, все сделали уже до него.

Зачем ему это теперь, ну в смысле убивать и грабить?

– Чего вам?

Алиса строго смотрела на плешивого мужика, застывшего на коленях на лестничной площадке перед ее дверью. На полу на куске брезента покоился его профессиональный инструментарий – сверлышки, крохотные отверточки, какие-то металлические загогулины.

– Работать не перестаем, да, Петр Иванович? И день нам не день, и ночь нам не ночь?

– Будить тебя не хотел, – запросто пояснил он, ловко свернул кусок брезента, сунул сверток куда-то внутрь черного ватника, встал с коленей. – Ты же после больнички, чего беспокоить. Я бы зашел, тут вот у порога подремал на том вон тулупчике, а поутру, когда тебе вставать, ушел бы.

Алиса проследила за его взглядом. Тулупчик имелся в виду бабушкин, в котором та по молодости лет форсила. Только называла она его любовно дубленочкой или шубкой. И так же, как с дедовой шляпой и частью его вещей, расставаться с шубкой и нести ее на помойку не желала ни под каким видом. Прогуливалась в ней по двору с подругами в сильные морозы, иногда и до магазина доходила, хотя Алиса ругала ее за непристойный вид.

– Вы что же... – ахнула она, моментально прозрев, – тут уже были?!

– В смысле?

Аристов прикинулся непонимающим. И даже за спину себе глянул, будто вопрос не ему адресовался, а тому, кто с ним вместе пришел, да стал вдруг невидимым.

– Хватит валять дурака! – прикрикнула на него Алиса. – В смысле, уже ночевали в моей квартире?!

– Было дело, – пожал он плечами, сморщил изъеденное оспинами лицо. – Можно войти-то, а? С ног валюсь. Сил нет уже. Я тебе худа не сделаю. Зачем мне?

Вроде бы незачем, и Алиса отступила в сторону, впуская странного мужика.

Станный он был, а какой еще?! Зашел в их подъезд с преступным умыслом, вышел почти героем. Ночевал в Алисиной квартире в ее отсутствие, это уже после того, как его выпустили по Сашкиному и ее личному ходатайству из следственного изолятора, а даже чайником не воспользовался и дальше прихожей не пошел. Спал на постеленном у двери тулупе, ужинал и завтракал кефиром, принесенным с собой. Не взял ничего уходя. Деньги у нее на бензин и телефон всегда лежали на полке у входа. Не исчезло ни копейки. И в серванте в тайной шка-тулке все цело – сережечки, колечки и цепочки с бусами.

– И что же, вы даже в ванной не были? – про туалет она постеснялась спросить.

– Сортир посещал, врать не стану, – угадал Аристов ее смущение. – Но в ванной не мылся.

– Тогда самое время, – сморщила носик Алиса, от гостя несло гнилью, псиной и кошачьей мочой. – Где вы были все это время? Пахнет от вас, как... На помойке, что ли, обретались?

– Ага, – кивнул он, вошел в квартиру, тщательно запер дверь и даже цепочку накинул.

– Что ага? – она оторопела.

– На помойке. Где же мне еще от внимания добропорядочных граждан прятаться? Не в библиотеку же идти, – он захихикал, стянул с себя ватник, швырнул у самого порога, разулся, подсунув лобастые ботинки под ватник, сверху пристроил берет. – Мне мусора замусолили

справку об освобождении, на каждом шагу документ спрашивают. Вот и скрываюсь уже пару дней там.

– На помойке? – еще раз решила уточнить Алиса, подумав, что ослышалась.

– Ага, – подтвердил он и шагнул за ней в комнату.

Он прошел за Алисой след в след в гостиную, из нее в спальню бабушки. Стоял, словно на вечернем разводе по стойке «смирно», и смотрел, как Алиса, тяжело и совестливо вздыхая, распаковывает вещи покойного деда из огромного пластикового тюка. Как достает оттуда старомодную дедову пижаму в сине-голубую полосу, потом дедовы трусы парашютом, майку с растянутыми лямками, новые носки с этикеткой. И в конце с бабушкиной полки большое махровое полотенце.

– Вот, ступайте в ванную. И немедленно.

– Слушаюсь, гражданин начальник, – полушутя-полусерьезно пробормотал Аристов, пятясь. – Ты это... Ты только мусорам не звони, ладно, дочка? Я не сделаю тебе ничего дурного, стал бы я тебя спасать...

В полицию она звонить не стала, а вот Сашке не выдержала, позвонила. Сказала, кто у нее в гостях, умолчав, что гостит тот не впервые, бывал и в ее отсутствие. Тут же выслушала о себе много интересного. Дура было делом привычным, это она мимо ушей пропустила. А вот что ей от одиночества крышу снесло – оказалось совершенно новым и обидным. Она отсоединилась, но Сашка, конечно же, приперся минут через десять.

Аристов только что вышел из ванной, где за пять минут помылся, а потом еще минут двадцать отмывал после себя ванну большой хозяйственной мочалкой. Он понимающе хмыкнул, увидев у порога мужские ботинки. С тем же пониманием кивнул, когда Алиса обескураженно развела руками, мол, а она-то что. И тут же попросил хлеба.

– С утра не ел, – признался он.

– А утром кто кормил? – фыркнул Сашка, он тоже из гостиной, где постелил себе на диване, перебрался в кухню.

– Никто, – Аристов бочком протиснулся между холодильником и столом, сел в дальний угол. – Я и утром не ел.

У Алисы сжалось сердце.

Господи, а вдруг он и правда был бы ее отцом? Отцом с такой корявой, нелепой судьбой, без капиталов и недвижимости за границей, с преступным умением вскрывать чужие замки и нести потом за это наказание год за годом. Без работы и привязанностей, но со способностью пожалеть чужую девчонку, истекающую кровью.

Почему, интересно, за всю жизнь его никто и никогда не жалел?

– Вот, кушайте, пожалуйста.

Она выставила перед ним гору тарелок с колбасой, картошкой, салатами, сырами и рыбой. Тая замечательно позаботилась о ней, наготовив и закупив столько.

Интересно, что она сказала бы, узнав, кому пришлось ее угощение есть?

– Я, пожалуй, тоже поужинаю, – скрипнул зубами Сашка и присел к столу. – Дом гостеприимный, чего не воспользоваться, так, Петр Иванович?

Тот вздрогнул, глянул на него зло и нехотя кивнул.

– Вопрос в другом. – Сашка схватил с тарелки стрелку зеленого лука, начал терзать ее зубами. – Как долго вы собираетесь пользоваться гостеприимством этого дома, а, Петр Иванович? Ну помогли вы Алисе, честь вам и хвала. Спасли ее от смерти, низкий вам за то поклон. Но ведь пора и честь знать! Может, вам денег дать, а? Как же я не догадался-то сразу?!

– Александр! – прикрикнула на него Алиса, заметив, что Аристов внезапно перестал жевать, а пальцы его судорожно сжали рукоятку вилки. – Прекрати немедленно! Ты в моем доме тоже гость, между прочим.

Хватка Аристова ослабла, но глаза остались холодными и пустыми, как две глубокие черные ямы. Они странным образом теплели, когда он переводил взгляд на Алису, делались виноватыми и оттого беспомощными, но стоило ему на Сашку взглянуть, так снова в них застывала ледяная пустота.

Ел он долго, тщательно и аккуратно. Перепробовал все, без конца подкладывая себе на тарелку. Корочкой хлебной все подберет до грамма, и снова подкладывает. Глядя на него – отмытого, тщательно расчесавшего редкую шевелюру, побритого, в дедовой пижаме, – Алиса ни за что бы не признала в нем бывшего уголовника. Обычный дядька, подуставший, изголодавшийся, но самый обычный. Чем не ее отец?

– Все, надеюсь? – скрипнул Сашка зубами, когда Аристов наконец отодвинул от себя опустевшую в десятый раз тарелку. – Алисе отдыхать нужно.

– Так кто же против? – Петр Иванович заполошно заморгал, снова глядя на нее виноватыми глазами. – Пускай отдыхает, а я покараулю.

– Оборжаться можно! – фыркнул Сашка и вылез из-за стола, громко двинув стулом. – Тут неизвестно кого караулить надо! Ступай вперед живо!

И вот тут случилось неожиданное.

Аристов, шагнувший к выходу из кухни, вдруг притормозил, повернулся неловко боком, и в следующий момент Сашкина физиономия была уже приплюснута к Алисиному кухонному столу его огромной заскорузлой лапой.

Она даже понять не успела, как это вышло у него так быстро и сноровисто. Рот открыла, попятилась к окну и молча смотрела, как корчится, согнувшись пополам, ее друг детства в сильных руках ее спасителя.

– Ты мне, мусор, тут не указ, – прошипел Аристов тихо, но страшно. – Я здесь не у тебя в гостях, а у дочки. Жизнь которой спас, между прочим, я, а не ты. Она сколько раз к тебе за помощью обращалась, паскуда ты мусорская, а?! И заяву катала с жалобой и тебе, и прокурорским? А вы что? А вы чхать хотели, да! О спокойствии своем печетесь да о премии. А девку на перо посадили тем временем. А ты додуматься не мог, откуда ноги растут, нет?

– Пусти! – засипел Сашка, лицо его сделалось багровым, и больно, и стыдно, наверное, ему стало. – Пусти!

– Отпустите его, Петр Иванович, – взмолилась Алиса. – Не надо так.

Хватка сразу же ослабла, через мгновение руки Аристова уже привычно сложились за спиной. Но взгляда с освободившегося Александра он не сводил. Нехорошего взгляда, настоящего.

– И что теперь?! – Сашка шумно дышал, потирая щеку и шею. – Думаешь, я тебе это прощу, да?!

– Мне на твое прощение, знаешь, что сделать хочется? – и Аристов тут же испуганно глянул на Алису. – Скажи спасибо, дочка здесь, а то бы я...

– Какая она тебе, к черту, дочка, урод?! – заорал Александр Васильевич Назаров, друг детства и их участковый по совместительству. – Придумала она историю, чтобы тебя из СИЗО вызволить, а ты попугаем ее повторяешь. Понравилось?

– Понравилось, – не стал спорить Петр Иванович, неожиданно широко зевнул и потопал к кухонной двери. – Спать я пошел, устал очень. Утром переговорим кое о чем.

Это утреннее «кое-что» стоило Алисе миллиона нервных клеток! Почему? Да потому что взялись они с утра поучать ее с обеих сторон. Начал, как ни странно, разговор Аристов.

– Вот, присаживайтесь, застрякайте, – смешно коверкая слово, пригласил он Алису с Сашкой к столу. – Кое-чего приготовил.

Он нажарил картошки крупными кружками. В другую сковороду свалил отбивные, куски курицы, голубцы, все залил стаканом масла и томил теперь на медленном огне.

– Я так рано много есть не могу, – заартачилась Алиса. – Мне бы кофе, и покрепче.

Но новоявленный папаша осторожно усадил ее за стол, не слушая возражений.

– Тебе сил надо набираться, дочка, – выделив обращение специальным тоном, он с вызовом глянул на Сашку. – Такую операцию перенесла. А кофе врач тебе запретил.

– Чего это? – не поверил друг Назаров. – С чего ты взял?

– С того, что спросил перед выпиской, что ей можно, а чего нет. – Петр Иванович загрузил Алисину тарелку отбивными, куриной ножкой, прикрыл сверху все картошкой и поставил перед ней. – Пока ты там коридорные стены лопатками грел, я к врачу смотался и спросил кое о чем.

– И что?

Алисе вдруг стало интересно слушать этого пожилого дядьку, которого она неосторожным своим словом определила себе в отцы. Речь его была пускай и не совсем правильная, зато почему-то казалась верной и мудрой.

– Узнал, например, что тебе можно кушать, сколько нужно отдыхать, чем тебя пырнули, тоже выяснил, и чем это тебе может грозить в дальнейшей твоей жизни, – объяснил Аристов и сел с ней рядом.

Тарелку, которую он поставил перед собой, Алиса всегда использовала под крошку и салаты. Она больше напоминала маленький тазик, в нее Аристов сгрузил все почти, что разогрел и приготовил. Сашку он обслуживать не стал. И тому пришлось самому готовить себе бутерброды и чай.

– Ты кушай, кушай и папу слушай, – пробубнил Петр Иванович с набитым ртом. – Я тут походил по двору, пока ты в больничке лежала, поговорил кое с кем... Тут такое дело, дочка, может, ты против будешь... Но я твоим отцом назвался в жилищной вашей конторе.

– Отлично! – просипел Сашка и стукнул кулаком по столу. – Отлично! Жила себе жила Алиса наша двадцать пять лет и вдруг папочку обрела в образе уголовника. Кто тебя просил языком молоть?!

– А мне спрашивать было некого, – резонно возразил Петр Иванович, деловито расправляясь с обильным завтраком, на уголовника он, похоже, не обиделся. – Мне работа нужна. О дочери заботиться надо, лекарства там всякие покупать, отдых опять же организовать ей летом. Ты разве поможешь мне с работой-то?

– И не надейся, – фыркнул Сашка и поерзал пальцами по щеке, которая вчера к столу была приплюснута. – Век помнить буду, как ты меня приложил.

– На здоровье, – покивал Петр Иванович, доел все, тарелку отправил, не вставая со стула, в раковину, посмотрел на Алису будто даже по-отцовски, строго очень, и спросил: – Ты мне вот что скажи, дочка, ты зачем в это болото полезла?

– В какое? Никуда я не лезла. О чем вы?

Она, конечно, поняла, о чем он, но решила немного повалить дурочку.

Как-то все очень стремительно стало развиваться в ее жизни. Жила себе жила после смерти бабушки в гордом и необременительном одиночестве, и тут вдруг бац – и отца вам нате, и жениха. Похоже, она к этому не совсем готова. С «папой», правда, как-то еще можно мириться, завтрак вон приготовил, о здоровье ее печется, об отдыхе летнем, болтает наверняка, но все же слушать приятно. Не было же папы у нее никогда, да и теперь вряд ли будет.

А вот что касается жениха!

Сашку она когда-то любила, спорить трудно. Но это было очень давно, да и перегорело все в ней. Кажется, перегорело.

Да, она скучала, когда его долго не видела. И даже бесилась, когда наблюдала, как они по двору со Светкой идут и на ходу целуются. И внимание его ей было приятно, и подарков от него ко дню рождения и другим праздникам она всегда ждала. И звонила, и в гости его звала, и даже в кино иногда с ним ходила. Но...

Но не представляла она себе их совместной жизни. Не видела ее в радужных мечтах. Кого угодно видела, о ком угодно мечтала, только не о нем в роли своего мужа.

– Ладно, – миролюбиво хмыкнул Аристов и посмотрел на нее с теплой улыбкой. – Не хочешь говорить, так я сам узнаю.

– Что узнаете?

– Узнаю, с чего это вдруг на тебя в твоём собственном доме напали. И не просто чтобы ограбить или как женщину тебя... Ну, ты понимаешь, о чем я? – он смутился.

– Понимаю, – кивнула Алиса, поражаясь мысленно тому, что грабеж и насилие Аристов считает делом обычным и простым.

– А напали на тебя, дочка, только лишь для того, чтобы убить. Мешаешь ты кому-то. Вопрос – кому? – Тут Петр Иванович резко качнулся в сторону притихшего, задумавшегося Сашки. – Может, бабе твоей она мешает, а, участковый?

– Бабе? – тот вздрогнул. – Какой бабе?

– Жене твоей, голова! – подсказал Аристов с раздражением.

– Светке?! Да ты что, рехнулся?! – возмутился Сашка. – На хрена ей надо убивать Алису?!

– Чтобы избавиться от соперницы, к примеру, – подсказала Алиса, мысль показалась ей не такой уж и безрассудной. – Устала она тебя ревновать ко мне, вот и...

Повисла напряженная тишина, в течение которой Сашка рассматривал их обоих неприязненным взглядом. Так смотрят на заговорщиков.

– Не было ее в тот день во дворе, – наконец проговорил он, вдоволь насмотревшись. – И дома вообще не было.

– И даже в городе! – недоверчиво фыркнул Аристов. – Кто ж говорит, что она сама заточку ей под лопатку воткнула?! Тут явно мужицкая рука работала. Нанять-то она его запросто могла.

– Кого его? – на раскрасневшемся разгневанном лице Назарова отчаянно заходили желваки.

– Убийцу, – запросто пояснил Петр Иванович, резво встал со стула, метнулся к плите и загремел чайником. – Дочка, чай будешь?

– Дочка! – со злостью фыркнул Сашка и даже плюнул себе под ноги, попал прямо на носок и еще сильнее разозлился. – Алис, скажи, чтобы он тебя так не называл, ну!

– Почему? – удивленно отозвалась она, с благодарностью взяла из рук Аристова большую чашку чрезвычайно крепкого чая с лимоном и снова воскликнула: – Почему? Он мне если не по родству, то по возрасту как раз в отцы годится. Пусть как хочет, так меня и называет.

– Замечательно! – Сашка с силой шлепнул себя по ляжкам, обтянутым тренировочными штанами, он в них к ней ночью прибежал после ее звонка. – Папочка, значит! Ну, ну... Может, ты его и жить у себя оставишь, а?!

Он с ненавистью уставился на Аристова, снующего по кухне. Махнул в него рукой, будто оттолкнул, и снова повторил свой вопрос.

Алиса молчала, не зная, что ответить, а Петр Иванович неожиданно перепугался. Замер возле раковины с кухонным полотенцем в одной руке и с мыльной посудной мочалкой в другой. Уставился на Алису с мольбой и едва заметно головой помотал.

– Может, и оставлю, – произнесла она, снова неожиданно пожалев этого человека, волей дикого случая хлопотавшего теперь на ее кухне. – Мне одной, между прочим, страшно.

– А я?! – оторвал зад от стула Сашка. – А как же я?! Я могу...

– Да ты уж можешь! – замахнулся на него Аристов полотенцем и мочалкой, с которой в бедного Сашку полетели хлопья пены. – Сначала с бабой своей разберись, а потом к дочке клейся.

Они еще долго бухтели со злобой друг на друга, но голоса повысить ни один не осмелился, с ненавистью крысились, но тихонько. А Алиса тем временем размышляла.

Оставить Аристову она у себя, конечно же, может. Угрожать ее жизни и здоровью он не станет, не для того спасал. Обворовать тоже не посмеет, было время, не воспользовался. Чего тогда ей его бояться? Бояться его ей нечего. К тому же, если он устроится на работу в местный ЖЭК, ему выделят комнату в соседнем доме. Там все местные дворники по очереди жили до тех пор, пока работа им не наскучит. Аристов съедет, и она...

Стоп, а что, собственно, она?! Останется тут без него, его авторитетом заговоренная?! Если ее отцом он для всех назвался и дворником местным устроится, то никто ее тронуть, что ли, не посмеет? Хорошо, если так, конечно, да не верилось в это.

Он кто – Аристов этот? Просто вор. Вор, которому не везло по жизни, оттого он и из тюрьмы не вылезал, так она Тайке и пояснила. Неудачник, одним словом. Коронован не был и никем не свергнут. Кто его бояться-то станет? Пока он метлой будет размахивать вечерами или ранним утром, а потом отсыпаться в своей каморке, ее в этих стенах сто пятьдесят раз могут убить. А ему потом об этом расскажут, или в сводке новостей он про то прочтет. А вот если он тут останется, то у Алисы есть хотя бы маленький, но все же шанс. Не такого уж и устрашающего вида, конечно, нареченный ею папашка, но в его присутствии ее вряд ли кто тронет. А уж в квартиру точно не сунутся.

– Довольно! – прикрикнула она на мужчин, с сипом выдающих друг другу порционную брань. – Аристов останется здесь до тех пор, пока...

– Пока?! – это они одновременно спросили, глянув на нее один с надеждой, другой с ужасом.

– Пока не разрешится вся эта проблема.

– Какая проблема? – это уже Сашка спросил один.

– Проблема, угрожающая моей жизни. Она же осталась.

– Правильно, дочка, – закивал Аристов.

Закатал повыше рукава полосатой дедовой пижамы и загремел тарелками в раковине. Даже, кажется, напевать что-то принялся. Алиса за шумом воды не разобрала. Она Сашку рассматривала. Того просто раздувало от злости. Он и губы покусывал, и смотрел на нее исподлобья. Но от откровенных возражений воздержался.

– Ладно! – снова шлепнул он себя по ногам и встал. – Мне на работу пора. А вы тут... хлопчите. Да, и вот еще что... Не думай, гражданин, что я тебя тут с ней один на один оставлю.

Петр Иванович даже головы в его сторону не повернул, с силой вытирал вымытые тарелки и действительно что-то мурлыкал себе под нос.

– Я тоже переезжаю к тебе, Алиска. И даже не смей возражать, а то я вас обоих... – Сашка скрипнул отчетливо зубами. – Обоих под замок посажу! А ты... – Сашка шагнул к Аристову и воткнул ему указательный палец в позвоночник. – Ты чтобы уже сегодня вечером работал.

– Так ведь могут и не взять, – испуганно шепнул Петр Иванович и неожиданно голову в плечи втянул.

Алисе даже показалось, что по шее у него побежали струйки пота. Чего это он так перепугался, интересно?

– Возьмут, я позвоню, куда следует, – пообещал Сашка и ушел.

– Я умываться, – пробормотала Алиса и на полчаса закрылась в ванной.

Да-аа...

Бабушка ей такого страшного самоуправства ни за что бы не простила. Она и без Сашки ее под замок посадила бы давно, а Аристову с его котомкой за порог выставила, снабдив узелком с пирогами, вареной картошкой и дюжиной соленых огурцов. Был у ее бабули такой вот специальный гастрономический набор для шатающихся бездомных и попрошайек цыганистого

вида. Им бы она и Петра Ивановича угостила, и уж точно на порог не пустила бы, а уж о том, чтобы пижаму дедову ему подарить, и речи быть не могло.

Никогда и ни за что!

Алиса и сама бы никогда его не пустила еще пару месяцев назад. Шарахнулась бы от этого пожилого дядьки как можно дальше и забыть постаралась бы тут же. Два месяца назад еще никто на нее не нападал. Никто страшно не дышал ей в шею за мгновение до нападения ей в шею. И не валялась она тогда еще на бетонных ступеньках, слушая, как постепенно она навливается ее сердце.

Да что она! Еще и Александра была жива. Что-то такое, конечно, она уже затевала, снуя по двору с загадочно мерцающими глазами, но жива была точно.

А что теперь? А теперь полная неизвестность впереди. Темная, страшная неизвестность.

Алиса осторожно помылась, старательно обходя струей воды повязку. Вымыла голову, высушила феном, расчесалась, запахнула потуже халат и вышла из ванной. Пока мылась, не мечтала, нет, просто думала, что Аристов уже ушел. Ну, куда-то там, может, насчет работы, а может, еще куда. Но тот сидел в гостиной за ее любимым круглым столом все в той же пижаме и гадал на картах.

– Вы что это делаете, Петр Иванович?! – Алиса открыла рот от изумления и чуть не заругалась.

Карты были бабушкиными, она их сразу узнала. Она убрала их в картонную коробку из-под чайной пары, наполненную милыми бабушкиными безделушками, с которыми та тоже, как и с дедовыми вещами и шляпой, не смогла расстаться.

Коробка покоилась в нижнем левом ящике серванта, в самом дальнем углу. Чтобы ее найти, надо было основательно порыться. То есть отодвинуть стопку тетрадок с Алисиными сочинениями по литературе, все на «отлично», между прочим. Потом вытащить плетеную корзинку с нитками, иглами и непарными пуговицами. А уж потом только наткнуться на коробку, в которой хранились бабушкины карты.

Получается, Аристов успел порыться?!

– Гадаю, дочка, – невинно ответил он и посмотрел на нее поверх допотопных очков, вместо дужек через его лысеющий череп была протянута резинка. – На тебя гадаю.

– Карты где взяли?! – Алиса подбоченилась, прищурившись.

– В коробке в серванте, – запросто так объяснил он, тут же снова опустил глаза к картам, и, выпятив нижнюю губу, удрученно покачал головой. – Плохая карта, дочка! Жуть плохая! Кто-то зла тебе желает! Какой-то виновый хрен. Ой, извини, король виновный, говорю.

И тут же у Алисы по шее поползли мерзкие мурашки, напомнившие про обжигающее дыхание убийцы. Интересно, какой масти тот был?

Она позабыла про собственное негодование и самоуправство Аристова. Подсела к столу и вытянула подбородок, вглядываясь в четыре карточные кучки, по пять штук каждая.

– Что там? – почему-то шепотом спросила она, ничего, конечно же, не поняв.

– Вижу женщину какую-то. Но не тебя, – деловито пояснил Аристов, ловко сдернул с одной кучки даму червей и помотал ею в воздухе. – Какая-то тетка в годах, но не сильно старая. На подружку твою тоже не тянет.

– И что с ней?

– В беде! В беде она то ли была, то ли есть, то ли будет, пока не пойму. Вишь, виной сколько вокруг нее?

Ничего она не видела, но головой качнула серьезно.

– Это, наверное, Александра, – подумав, изрекла Алиса.

– Кто такая?

– Соседка. Вернее, она в соседнем подъезде жила, слева от моего, если лицом к дому стоять.

– Жила? – Аристов снова глянул на нее поверх очков. – А теперь что же, не живет?

– Не живет, – Алиса вздохнула, вспомнив незаконченную свою бесполезную беготню по правоохранительным инстанциям. – Убили ее.

– Убили?! – Петр Иванович округлил глаза, шумно задышал, широко раздувая ноздри, потом обежал взглядом карты и снова выдохнул: – Убили!

– Да, убили.

– И нашли убийцу?

– Так не ищет никто. Сколько я ни билась, сколько ни жаловалась, никому дела нет до ее смерти, – пожаловалась Алиса и кивнула себе за спину, будто там стоял ее обидчик. – Вы же знаете, чего спрашиваете?

– Так, давай-ка с этого момента поподробнее, – Аристов мягко коснулся ее руки, едва дотрагиваясь, погладил, улыбнулся смущенно. – Какая ты вся...

– Какая?

– Беленькая, чистенькая... Не замызганная жизнью собачьей... Как вспомню, как тебя нашел... – он говорил отрывисто и тихо, не глядя на Алису и продолжая рассматривать карточную комбинацию на столе. – Как же можно-то так?.. Ангел ведь! Божий ангел! Так Шурку-то прибили, говоришь?

Эта его манера мгновенно менять темы, сбивала ее с толку. Она только-только размякла от его бессвязного ласкового бормотания, как он снова ее отрезвил своим вопросом. Алиса даже не сразу сообразила, что прибитая Шурка и есть Александра.

– Машина ее сбила.

– Да? – он разочарованно притих, коротко на нее глянув. – И где?

– А прямо сбоку от дома нашего. Там проулок, ведущий к соседним домам. С одной стороны стена нашего дома, с другой – стена магазина. Там и летом-то разъехаться сложно, и мало кто ездит, кстати. А зимой вообще намело, только на джипах и пробираются, такие колдобины из льда!

– Ага... – Аристов посмотрел на нее, задумался. – Ладно... Она там что делала-то, сбоку дома? В магазин, что ли, пошла?

– Да нет. Вход в магазин со стороны улицы, то есть со стороны проезжей части, трамвайных путей и так далее. В проулке ей вообще, по сути, делать было нечего. Проезд узкий, машины не часто, но ездят. И когда ездят, пешеходам просто деваться некуда, только в сугроб сгнать.

– Она, стало быть, не сиганула? – уточнил Аристов.

– Получается, что нет, – Алиса передернулась, вспомнив, что осталось от лица Александры, попавшего под тяжелые колеса машины.

– А что же, она дура малахольная была, что под колеса полезла? Или запойная?

– Вот и вы туда же! Все в полиции мне о том же твердили, и в прокуратуре, Сашка им всем поддакивал, и вы теперь, – Алиса надула губы и снова вспомнила про колоду. – Кстати, а где вы взяли бабушкины карты?

– В серванте, где же еще? – удивился Аристов и сосредоточенно принялся перетаскивать по карте из кучки в кучку.

– Вы рылись там?! – Она прищурилась. – Как не стыдно!

– И ничего я не рылся, – с обидой отозвался Петр Иванович. – Открыл дверцу, достал коробку, они там.

– Но как вы узнали-то, что они там?! Раньше, значит, рылись!

Ей захотелось вдруг смахнуть ладонью со стола всю его гадальную комбинацию, разозлилась она на него и за покойную Александру, и за то, что по шкафам ее лазает без спроса, но любопытство пересилило. Вдруг карта как-то так ляжет, и она узнает что-то интересное о себе и своей дальнейшей судьбе. Глупость, конечно, несусветная. А вдруг?

– Не лазил я по твоим шкафам, дочка, – со вздохом отозвался Аристов и снова посмотрел на нее поверх допотопных очков. – Я просто знал, что они могут там быть.

– Откуда?! – зашипела она и неубедительно по столу кулачком шлепнула.

– Я же вор! – отрекомендовался он не без странноватой гордости. – Вор-домушник со стажем. Я про людские привычки и особенности много чего знаю.

– Да? И что же вы узнали, к примеру, про меня?

Она сузила глазки, будто сердясь, но интересно ей было до невозможности.

– Про тебя-то? – Аристов выпятил нижнюю губу коляской. – Ты девочка хорошая. Любила свою бабушку, память о ней хранишь до сих пор, не выбрасываешь ни ее вещи, ни деда. Деда-то поди и не помнишь совсем?

Она промолчала ошеломленная.

– Материных вещей в доме нет, значит, не жила она с вами. Прав я?

– Да, – Алиса лишь кивнула, вдруг ей стало стыдно за женщину, произведшую ее на свет и ни разу в ее жизни не удостоившую их с бабушкой своим визитом.

– Папу, стало быть, тем более не знала? Но знать о нем хотела всегда? – продолжил говорить Петр Иванович, без устали мусоля карточную колоду. – Потому и меня отцом назвала. Будто в благодарность, но и затем небось, чтобы место не пустовало. Так?

Алиса отвернула лицо от этого странного мужика, читающего ее жизнь то ли по картам, то ли по звездам, то ли по наитию своему мудреному.

– А потом еще и страшно тебе очень. Кто-то заточкой-то тебе бок проткнул! Не за что будто бы, а сделал гадкое свое дело, гнида. А кто? – Он снова покачал удрученно головой, рассматривая двух королей, выпавших сбоку от дамы червей. Но комментировать комбинацию никак не стал, продолжая неторопливо рассуждать. – А кто, ты не знаешь. И никто, выходит, пока не знает, раз тебя куда не вызывают. Ни на опознание, ни на беседу. А может, и не узнаю вовсе. А все почему?

– Почему? – отозвалась эхом Алиса, зажав коленками ладошки.

– А потому, что мусорок нынче ленивый стал. За спасибо грудь выпячивать не будет под свинец. Ему куда проще такого, как я, сграбастать да отчитаться. Ведь если бы не ты, сидеть бы мне уже. Вмиг сколотили бы дело, все на меня списали бы. И нападение на тебя с целью грабежа. И Шурку твою покойную вспомнили бы. И тоже бы на меня отписали.

– Так вас тогда еще в городе не было как будто! – удивилась Алиса.

– А кого этот вопрос взволновал бы, милая? – Аристов зло ухмыльнулся. – Им бы был повод от твоей заявы отписаться, чтобы ты занозой не сидела в их толстых задницах, и все. Поверь мне, знаю, что говорю. Повидал я всяких мусоров! Две ходки у меня за плечами. Просто оказался не в то время не в том месте, меня и сцапали, хотя и не у дел я был. Не у тех дел...

Аристов вдруг умолк, засопел, засмутился, будто ляпнул что-то лишнее. Может, и ляпнул, только Алисе дела до этого не было никакого. В смысле, не интересовало ее его прошлое загадочное. Ее больше собственное будущее беспокоило. И безопасность еще! А он вон каким безрадостным ее будущее рисует. Не будет, говорит, никто его ей устраивать, и о безопасности заботиться тоже.

– А как же Сашка? – выдала она вслух тайные свои мысли. – Он же что-то такое говорил, что хлопочет там и все прочее.

– Участковый-то? – Аристов сдвинул очки на лоб, покачал головой недоверчиво. Поскреб бок под полосатой пижамой. – Он, может, и сохнет по тебе, но кишка у него тонка против...

И он снова замолчал.

– Против кого? – Она ткнула пальцем в короля виной. – Против вот этого? Чего молчите?

– Может, и против этого, – забормотал он снова едва слышно. – А может, и еще против кого. Серьезный кто-то тебя заточкой-то в бок, милая, писанул. Не хулиган и не блатной. Это почерк урки со стажем. С хорошим стажем.

– Чего же он тогда промахнулся, урка ваш?

– Не мой он, детка, – темные глаза Аристова опять сделались похожими на два бездонных колодца, как давеча в кухне, когда с Сашкой он собачился. – Никогда я не убивал. И дружбы не водил с душегубами. – И он снова с удовлетворением изрек: – Вор я, детка!

Карты Петр Иванович раскидывал еще с полчаса. Нагадал ей казенный дом, но он будто бы уже у нее случился, отлежала же она в больнице. Потом болезнь и слезы. Это тоже было. Еще какую-то нехорошую любовь. Это он на Сашку намекал, поняла сразу Алиса. Больно уж много сделал комментариев и предостережений на его счет. Чего-то не понравился он Петру Ивановичу. Сильно не понравился. И под самый финал, когда она уже отчаялась услышать что-нибудь доброе и хорошее о своем будущем, Аристов вдруг заявил, что ее ждет романтическое свидание и любовь крестового короля. И что будто бы вокруг этого крестового короля деньги так и порхают. Он вот уже трижды колоду тасовал, а деньги сами собой выпрыгивают и выпрыгивают.

– Кто же он такой, дочка, а? – заулыбался Аристов и пальцем ей погрозил. – Чего краснеешь? Знаешь небось, о ком речь?

– Не знаю я ничего! – возразила Алиса, тут же вспомнив про странную встречу в офисном коридоре за неделю до нападения на нее. – Нет у меня никого! Ничего серьезного нет. Никаких таких отношений.

– Это, может, ты так думаешь, а он вот, – и Аристов ткнул темным пальцем прямо в корону крестового короля, – думает по-другому! И деньги, дочка... Деньги у него точно имеются.

Ей показалось или в самом деле проскочил в его словах алчный интерес? Стало неприятно и неуютно за одним столом с этим человеком, который волею судеб и ее трусливой прихотью был определен ей в сторожа.

Пушай бы уже ушел он куда-нибудь. Как-нибудь она справится со своими страхами и без него, и без Сашки. Пусть оставят ее все в покое. Дали бы хоть подумать немного, полежать в тишине. Опекуны, блин!

– Ты не спеши меня в паскуды-то записывать, дочка, – тут же догадался о ее мыслях этот странный мужик. Подпер обвислую рябую щеку огромным кулаком, заглянул прямо в самую душу. – Мне сейчас ни хрена не нужно. Ни от тебя, ни от того, кого ты скрываешь от всех. За тебя боязно просто.

– Чего это вдруг? – начала Алиса, но голос сел под его странным взглядом. Она запнулась, кашлянула коротко. – Чего вдруг вы такое участие в моей судьбе принимаете? Почему так за меня беспокоитесь? Корысти-то вам от меня никакой.

– Корысть... Корысть ведь она у каждого своя, дочка, – задумчиво изрек Петр Иванович. – Кто-то в деньгах ее видит, кто-то в удобствах физических, а у меня вот если и имеется какая корысть, то только для души.

– Как это?

– Больно уж мне хочется впечатление на тебя произвести. Больно хочется, чтобы ты хоть раз, но посмотрела на меня как на отца в самом деле. Никогда в собачьей жизни своей не желал такого. И не жалел никого, кроме сестры с ее сынком. Но это все не то. Не то! О своих вот собственных детях не думал никогда. Какие дети с моим «трудовым» стажем? А тут, когда тащил тебя вниз, ледяная вся, синяя... – он судорожно сглотнул, уронил кулак с грохотом на стол. – Что-то хрюкнуло в груди, не поверишь. Жалость, злость на падлу эту... Корысть у меня к тебе одна, Лисочка. Чтобы полюбила ты меня, как папку своего, и все... А с хаты твоей я уже сегодня съеду, рупь за сто. Участковый твой обещал с работой помочь. Там мне койку выделят. Одни койки всю жизнь, твою не мать грешную! Ни дома, ни угла, одни койки...

Вечером он ушел.

Весь день что-то делал в ее квартире, чем-то гремел, кому-то отвечал на телефонные звонки. Она заперлась в своей комнате и не выходила, не желая знать, что он там вытворяет и с кем говорит.

Не знала она, как с ним ей себя вести, вот! И выгнать неудобно, сама же языком молола при Сашке, что Аристов останется до того момента, пока весь кошмар вокруг нее не закончится. И оставаться с ним под одной крышей было неуютно. Непонятный он какой-то, нечитаемый, оттого и в душе все ворочалось и корчилось. Взяла и заперлась в комнате безо всяких объяснений. И к обеду не вышла, хотя Петр Иванович ее настойчиво зазывал.

На Сашку, когда он принялся названивать ей каждый час, сорвалась с руганью. И пригрозила спустить с лестницы, когда он явится, если не прекратит контролировать ее дыхание. А в конце разговора не выдержала и едко поинтересовалась:

– Как Светлана? Домой не вернулась?

По тому, как Сашка испуганно притих, Алиса сразу догадалась, что если беглая супруга и не успела к этому часу вернуться к нему с вещами, то позывы к тому наверняка имеются.

Она тут же взбесилась и закинула мобильный телефон в старое пухлое кресло у окна, в котором любила по выходным почитать, подремать или просто в окошко поглазеть без единой мысли.

Пускай Назаров катится к черту! И с заботой своей, и с семейными проблемами! И вообще, надо у него ключи от своей квартиры забрать, которые он предусмотрительно в рабочем сейфе спрятал.

Гад!

Алиса зарылась лицом в подушки и попыталась думать о чем-нибудь важном и приятном.

Начала с нового серьезного проекта, который собираются поручить не кому-нибудь, а именно ей. Перешла к грядущему повышению в должности, это тоже обещал шеф, явившись к ней в палату с корзиной цветов. Как на кладбище пришел, честное слово. Алиса еле сдержалась, чтобы это не брякнуть. Но шеф тут же заговорил о повышении, и она прикусила язык. Корзину с цветами после, правда, распатронила и по три цветка санитаркам раздала.

Потом перекинулась мыслями к Тайке, которая пока держала данное слово и не звонила. Обещала не лезть к ней пару-тройку дней со своей дружеской назойливостью. Интересно, выдержит или нет? А может, это она звонила, когда Петр Иванович снимал трубку?

Потом Алиса захотела подумать о той странной встрече, которую вычислил с помощью колоды затертых карт Аристов, но снова переключилась мыслями на него.

Чем он там гремит, интересно? Что-то двигает, льет воду, стучит! Перепланировку, что ли, затеял или баррикады сооружает, чтобы его не выставили? Так не станет она инициировать его уход. Неудобно. Пускай сам все про нее понимает, он же до жути проницательный.

К вечеру она не выдержала и высунула нос из своей комнаты.

Мама дорогая! Люстру, к которой она боялась притрагиваться, старинную медную с хрустальными плафонами, запылившимися еще в прошлом десятилетии, Аристов ухитрился снять, вымыть и повесить обратно. Укрепил разболтавшиеся и покосившиеся двери серванта. Починил кресло-качалку, в которое и бабушка боялась усаживаться, ворча, что дед после себя ничего крепкого и целого не оставил. Однажды, едва с него не упав, бабуля накрыла кресло клетчатой шерстяной шалью, задвинула в угол у балкона и никогда потом больше в него не садилась. И Алисе не позволяла.

Еще Аристов прибил на место полку в туалете. Она сорвалась с одного гвоздя уже после смерти бабушки. Алиса второй гвоздь из стены выдернула, и полку поставила на пол, и почти каждый раз, когда забывала, задевала ее большим пальцем правой ноги. Охала, ахала, грозила полку выкинуть. Но решиться так и не смогла. Этот шедевр неизвестного краснодеревщика, с бабушкиных слов, прислала Алисе в подарок мать на ее десятилетие. Полку красного дерева и шоколадку «Аленка». Открыток и телеграмм не прилагалось.

– Спасибо, – сухо поблагодарила Алиса, подняв голову к потолку. – Не стоило...

– Да, совершенно ничего не стоило, совершенно даром, – так же казенно, как и она, ответил Петр Иванович и шагнул к порогу. – Так я пошел?

– Куда?

Она только теперь обратила внимание, что одет он в свой сатиновый темный костюм, а из бокового кармана куртки торчит беретка.

– Так это... Работу мне дали. Звонил твой дружок. Выхлопотал он мне работу в ЖЭЖе, дворник я теперь ваш, и еще койку выхлопотал... пока там же, – пошутил Аристов безрадостно и вздохнул. – Не обижайся на меня, дочка. Я же все понимаю. Такого, как я, трудно принять. Ты это... Будь осторожна! На ночь запирайся. И этого к себе... Участкового лучше не впускай.

– Почему? – изумилась она.

– Мутный он какой-то. Нехороший взгляд у него. Баба опять же его... Чего там у них? – забормотал Аристов, пятясь к двери. – Ключи отбери. На кой они ему? Баба у него ключи найдет, худо будет... Ты это, не бойся ничего! Я тут, рядом... Как-нить зайду, покалякаем. Про Шурку покойную, к примеру. От чего, говоришь, она померла-то? Машина сбила? Странно... Ты пока отдыхала, я тут сгонял в проулок-то, понаблюдал. Там пять, десять километров скорость у машин. Как сбить-то можно? Опять же чужие не ездят, только свои. И всего три дома. Машин не мало, конечно, но вычислить можно. А ты не замечала, никто машину не ремонтировал в то время? Нет? Оно, конечно... Мусоров работа! А им недосуг, н-да... Я поспрошаю, если что, расскажу. Стерегись, дочка...

Он ушел, а у нее заныло сердце. Трудно поверить, но от тоски заныло! Пока он ходил тут с тяжелым старческим пытением по комнатам, гремел, стучал, давал советы, она немного сердилась, чуть-чуть раздражалась, неуютно ей с ним было, конечно, но она совсем-совсем не испытывала страха. Рассказать кому, засмеют и у виска пальцем покрутят! Под одной крышей с уголовником – и не страшно?! А вот и да!

А стоило ей дверь за ним запереть, послушать, прислонясь щекой к замочной скважине, как гудит лифт, увозя Петра Ивановича в его каморку в цокольном этаже соседнего дома – там селились их дворники, – как нахлынула на нее непонятная тоска вперемешку со страхом и стыдом.

Не стоило ей так с ним. Он жизнь ей спас, а она...

– Молодец! – выпалил на подъеме Сашка, выслушав ее подробный отчет о папаше самозваном. – Молодец просто, Алиска! Я даже боялся тебя об этом просить! Но ты все сама сделала, умница!

– Да, умница, – протянула она неуверенно, ковыряя пальцем по привычке стену возле телефонной полки в коридоре, она с детства ее там колупала, сколько бабушка ни ругалась, отучить так и не смогла. – Он вот ушел, и что дальше?

– А что дальше?

– А то! Ночью я как тут одна?

Сашка сразу широко шагнул в ее сторону, выкатил колесом грудь и только было собрался по ней вдарить кулачищем, знаменуя тем самым свою надежность, как Алиса показала ему фигу.

– Ничего не получится, дорогой. Ты сейчас же топаешь к себе домой.

– То есть?! – Пухлые губы Назарова задрожали от обиды. – Ты чего выпендриваешься, Голубева?! Я за тебя по колено в кровь встану, а ты...

Упреков могло быть слишком много, Алиса не дослушала, выставив его за дверь.

– Сначала разберись в своей семейной жизни, потом приходи ко мне с ночевкой, – посоветовала она перед тем, как запереться. И тут вспомнился последний совет Петра Ивановича. – Да, и еще... Ты ключи мне сдай от новых замков.

– Как сдать?! – жгучая обида плеснула в Сашкины голубые глаза свинцом. – Как сдать?!

– По описи! – рывкнула Алиса как можно строже, чтобы окончательно не размякнуть и не броситься другу детства на грудь. – По описи, дорогой!

Дверь она заперла на все имеющиеся на ней запоры. Дай Бог здоровья Петру Ивановичу, люстрой и креслом-качалкой его хлопоты минувшим днем не ограничились, он привинтил еще и шпингалет. Каким бы тот хлипким ни казался на первый взгляд, с лестничной клетки его точно не отпереть. Не взять его ни одной отмычкой. Алиса его подвигала несколько раз туда-обратно, подергала, проверяя на прочность. Потом заперлась и пошла в кухню.

И тут приложилась заботливая рука Аристова. На столе в глубокой миске стоял приготовленный им витаминный салат из свежей капусты и моркови с луком. В кастрюльке на плите гречневая каша, а в большом эмалированном кофейнике с ядовито-желтыми цветами по боку – и как он только отыскал, бабуля на антресоли его убрала лет пятнадцать назад, точно – плескался кисель.

– Спасибо, Петр Иванович, – вздохнула Алиса и налила себе полную кружку киселя. – Но есть мне совершенно не хочется.

Будто услышав ее нытье, Аристов тут же позвонил на домашний.

– Не спишь, дочка? – спросил он, не представляясь, кто бы еще ее стал так называть.

– Нет, – помотала она головой.

Спрашивать, откуда ему известен ее домашний номер, смысла не было. Он, похоже, знал все про нее. Если уж старый эмалированный кофейник отыскал и карточную колоду, то узнать ее номер телефона ему, как через плечо плюнуть.

– Поужинала?

– Не хочется.

– Я там тебе каши сварил.

– Я видела, – она со вздохом подтащила по столу к себе поближе миску с салатом, запустила в него вилку. – Кашу не хочу, салат поем.

– Поешь, поешь, в нем витаминов много, тебе сейчас нужно. Я тут лежу и журнал один интересный читаю, вот там про капусту много интересного написано... – Аристов чем-то зашуршал, очевидно, теми самыми страницами, где подробно описывались целебные свойства капустного листа. – Его ведь даже к ранам приложить можно, представляешь?.. А Шурка точно в этом проулке погибла, Лисочка?

Она поперхнулась.

Опять он! Ну, прыгает, что та саранча с капустного листа на морковную ботву! Только что ведь зачитывал ей строчки о капусте и тут же переключился на погибшую Александру.

– Чего молчишь-то, Лисочка?

Он странно коверкал ее имя, произнося его мягко и нараспев. Сашка фыркал и кривился, а ей даже нравилось.

– Так это... Мы же вроде про капусту говорили... – она проглотила салат, хлебнула киселя из кружки. – А Александра погибла именно там. Там полиция все оцепляла, и «Скорая» туда приезжала.

– Ага, значит. Ладно! – Он помолчал, потом сказал: – Ты запиши телефон-то мой. Он тут в комнате, если что, звони сразу, я примчусь.

– А если что – это вы о чем?!

Перед глазами вдруг поплыли фиолетовые круги, а в шею противно подуло. Подуло из окна, конечно же, но снова почудилось, что за спиной кто-то дышит. Она поспешно отодвинулась в самый угол, чтобы видеть всю кухню целиком – от двери до окошка.

– Да мало ли, – вздохнул Аристов. – Может, плохо тебе будет, температура поднимется, врач говорил, что такое возможно. Дома же, не в больнице.

– А-аа, – она с шумом выдохнула. – Вон вы о чем.

– А ты о чем? – вкрадчиво поинтересовался Петр Иванович и тут же посоветовал: – Ты головушку себе не забивай ерундой. Щеколдку видела?

– Вы про шпингалет?

– Про него, милая.

– Видела.

– Заперла?

– Да.

– Умница. Теперь покушай, и отбой. Утром позвоню, поговорим.

Она чуть не спросила о чем, но Аристов снова опередил ее.

– Про Шурку твою поговорим. Больно странным мне кажется, что она в добром уме и твердой памяти вдруг под колеса попала. Машины-то там еле ползут, Лисочка! Насмотрелся я сегодня. Специально торчал, пока не замерз. Снег ведь, всю зиму снег валил. Оттепели ни единой. Из проулка, мне в ЖЭКе сказали, ни разу за зиму снег не вывозили. Колею накатали, как танками, по ней и ползут. Как надо было глаза залить, чтобы под колеса попасть машины, которая почти стоит?! Если только сама не сигнула.

– Не сама она.

Алиса задумалась, вспоминая тот самый проулок, где погибла Александра.

Аристов был прав по всем. Снег в том месте не сгребали всю зиму. Грузовики к магазину подъезжали всегда с другой стороны здания. Жилыцы окрестных домов ходили там же. Необходимости чистить этот проулок и вывозить оттуда снег у жилищной конторы не было. Там и ездить-то особой нужды не было ни у кого. Только у самых настырных. У тех еще, кому ставить машину под чужими окнами не хотелось, или драйва схватить, ну и...

– А ведь правда, – ахнула она. – По проулку не всякий джип пролезет, куда простой машинке! Она на днище сядет, и все.

– И я о том же! – обрадованно подхватил Аристов. – А не всякие, то есть большущие и проходимые джипы в тех домах по пальцам пересчитать можно. Чего, нельзя было хозяев их пощупать? К осмотру личное авто потребовать предъявить? А не стали! Потому как лишним сочли. Ух, мусора! Вместо того чтобы часа два поработать, они Александру сумасшедшей объявили, и все.

– Откуда вы знаете? – изумилась Алиса, таких подробностей она Аристову точно не рассказывала.

– Так ведь болтлив народец-то, Лисочка. Я сегодня уж полсмены отработал. Взял БСЛ в руки и вперед.

– А что такое БСЛ? – открыла она рот.

– Большая совковая лопата, дочка. – Он смешно хохотнул. – Ты это, спать ложись, милая. Найду я тебе ту машину. Будь уверена, найду. Тут делов-то...

– Правда?! Господи, Александра, она... Она хорошая была, строгая, справедливая. Она предупреждала меня, говорила, что с ней что-то случится. Она чувствовала опасность!

– Чего это? Чуяла, что ее давить машиной будут? – проявил любопытство Аристов

Но Алисе снова показалось, что знает он куда больше. Больно уж ленивым показалось ей его любопытство.

– Да нет! Она утверждала, что...

И вдруг говорить расхотелось.

Остановись, приказал она себе! Остановись, опомнись! Вспомни, чем закончилось для Александры ее нечаянное откровение? Именно смертью! Она ведь не только с Алисой делилась своими страшными подозрениями, а еще с кем-то. Она и в полицию ходила, но там лишь отмахнулись и попросили не морочить голову занятым людям.

А она была права, права! Что-то происходит в их микрорайоне. Идет какая-то нехорошая преступная возня. Не просто же так и на нее, Алису, напали. Может, потому и... Аристов тут вдруг объявился? Может, появление его совсем не случайно?

Молчи, дура, снова мысленно приказала она себе и притворно зевнула.

– Спать хочешь? – вежливо поинтересовался Аристов, странным образом забыв напомнить, что Алиса так и не завершила свой рассказ про погибшую соседку из среднего подъезда. – Ложись, Лисочка, ложись. Тебе надо отдыхать много...

Отдыха не получилось. Через полчаса явился Сашка. Он топтался минут сорок у порога, дальше Алиса его не пустила. Нудил, пыхтел, уговаривал. Даже на колени встал в какой-то момент и к руке ее прильнул губами.

– Да-аа, – протянула Алиса не без удовольствия. – Видела бы тебя сейчас твоя Светка.

– А что Светка? – Он дернулся всем телом, как будто его ударили, и поспешил подняться на ноги. – Чего ты все про нее? Ушла она, нет ее! Все, забудь!

– А ты? Ты забыть способен?

Ей вдруг показался скучным этот разговор о застарелой Сашкиной любви, временами напоминающий ей застиранный от времени лоскут, давно утративший и цвет и форму. Что-то говорит, к чему-то призывает, ноет о чем-то, и все как будто по привычке многолетней. Слова все одни и те же – заезженные и неинтересные. Все что-то повторяет и вздыхает, а по сути-то ни единого конкретного предложения, кроме одного-единственного – остаться у нее на ночь.

– Хоть бы покормила, – упрекнул он ее со вздохом, покосившись в сторону кухни. – Там пахнет чем-то. Готовила?

– Нет, кашу гречневую папа сварил, – выделив слово «папа», ответила Алиса, уперлась пяткой в коридорную стену, скрестила руки на груди, обтянутой ночной рубашкой. – Ты же ее принципиально есть не станешь?

– Не стану, – надул губы Сашка. – Папа... Офигеть, Алиса, можно! Сама-то себя хоть слышишь?

– Слышу, будь уверен.

– И че? – Сашка моргнул, вздохнул, застегнул куртку. – Так и будешь его привечать? Уголовника?! На его биографии пробу ставить негде, сплошные статьи из Уголовного кодекса. Кстати, где он?

– Ты же знаешь, зачем спрашиваешь? Работает он. И живет теперь в каморке под лестницей.

– Как папа Карло? – развеселился вдруг поздний гость. – А ты кто же ему теперь – Мальвина?

– Ой, отстань, а! – взмолилась Алиса и подтолкнула Сашку к двери. – Ступай уже, ступай!

И вот тут он, дерзко отпихнув ее руки, резко притянул Алису к себе, прижал до невозможности крепко и начал быстро-быстро целовать куда попало. Губы, шея, плечи, выпростал через глубокий вырез ночной сорочки грудь, вцепился ртом жадно, больно.

– Сашка, отвали! – задергалась Алиса в его руках, рана под лопаткой требовательно заныла. В голове начало стучать. – Прекрати, мне больно! Отпусти немедленно!

– Прости... Прости... – зашептал он, чуть ослабив хватку, но совсем не отпустил, продолжая тесно прижиматься. – Прости... С ума просто схожу по тебе, Алиска. Всю жизнь с ума по тебе схожу... Эта рубашка твоя, просто сумасшествие какое-то, честное слово. Позволь мне... Пожалуйста, не гони, позволь мне... остаться. Позволь любить тебя, милая.

Его пальцы нежно ворошили ее волосы на затылке. Губы по-прежнему не оставляли в покое ее шею, плечи. Было горячо, влажно, и забухало вдруг с силой в сердце и в низу живота. Как давно, давно было с ней в ранней юности. И голова так же закружилась. И кто знает, может, еще минута-другая, и она уступила бы, но...

– Кто это может быть?! – Сашка опять, как от удара, дернулся всем телом, услышав телефонный звонок. – Кто-то должен тебе звонить?

– Не знаю.

Она отшатнулась, устыдившись своей греховной возни с ним у входной двери.

Не надо! Так нельзя! Он женат! Завтра Светлана вернется, и они снова будут вместе. Пускай неказистой, несчастливой их жизнь казалась Алисе, но она была их общей семейной жизнью на двоих. Зачем она между ними? Не нужно никаких треугольников! Вся эта слабость под коленками и в голове пройдет, останутся стыд и осознание чужой боли.

– Может, Тайка? – Алиса высвободилась из его рук, одернула ночную рубашку, подтянула глубокий вырез повыше к подбородку, ухватила ткань горстью, второй рукой взяла телефонную трубку. – Алле?

– Дочка, я это, –дохнуло в ухо уже знакомым тонким голосом Аристова. – Не спишь? Смотрю, свет у тебя.

– Не сплю, Петр Иванович.

Она обернулась к Сашке, который негодуя закатил глаза под лоб и беззвучно затопал ногами, изображая дикую ярость. Развела руками, мол, а она-то при чем?

– Вы чего звоните?

– Да что-то беспокойно вдруг сделалось за тебя. За окнами снег идет, ветер, муторно на душе как-то, – признался нехотя Аристов. И вдруг спрашивает: – Ты одна?

– Я? А... А какое это имеет значение?

– Так я и знал! – выпалил тот и выругался неразборчиво. – Этот хмырь участковый у тебя опять? Зачем ты его принимаешь, дочка, зачем?! Не твой он. Не твой!

– А вам-то что! – Алиса надула губы. – Кого хочу, того и принимаю! Мое дело!

Ей некому было грубить в подростковом гормональном выбросе. Матери она не видела. Об отце ничего не знала. Бабушке грубить считала подлостью. А тут вдруг появилась великолепная возможность покапризничать, не повиноваться. Пускай и лицу совершенно постороннему, а все равно захлестнула душу протестантская волна.

– Вы, Петр Иванович, чем сейчас занимаетесь? – поинтересовалась Алиса, разбавив этим вопросом свое хамство.

– Да ничем вообще-то, – проямлил он, видимо, не ожидал такого резкого отпора с ее стороны.

– Вот и продолжайте ничем не заниматься дальше, а я... – она хотела было сказать, что спать пойдет, но вдруг передумала. – А я буду делать то, что хочу!

– Ох и дуреха, – успел пробормотать с жалостливой ноткой Аристов, прежде чем она положила трубку.

– Чего ему надо? – выкатил грудь колесом Сашка, куртку он с какой-то блажи с себя снял и теперь пытался повесить на вешалку. – Чего лезет вообще?

– Ничего! А ты ступай уже, Саша. Поздно. Хочу выспаться, завтра собиралась прогуляться до работы. Ступай, дорогуша мой.

Никуда она вообще-то завтра не собиралась. Тайка рвалась к ней в гости. А это, считай, день пропал. Охи, ахи, сплетни, болтовня пустая, куча бесполезных советов. Но Сашке об этом знать совсем необязательно, так ведь?

Он замер с задранными к крючку на вешалке руками. Повернул в ее сторону голову, помотал ею и с тягостным вздохом произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.